

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

НАЯ ГЕЯРОВА

Сияние лилии

Институт проклятых

Ная Геярова
Институт проклятых.
Сияние лилии
Серия «Волшебная академия (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40512208

Институт проклятых. Сияние лилии. [роман]: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-117051-6

Аннотация

Родители, которых я никогда не видела, наградили меня родовым проклятием. Я суккуб. Но главное мое наказание в том, что я постоянно оказываюсь в ненужное время в ненужном месте. Так однажды я и очутилась в Институте проклятых. Здесь мне предстоит не только научиться управлять своим проклятием и доказать, что я не убийца, но и заодно разобраться, кто виноват в смерти сына советника. А тут еще тайны ректора, в которые я не могла не ввязаться, в то время как за мою голову уже назначена цена.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	44
Глава 4	72
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Ная Геярова
Институт проклятых.
Сияние лилии

© Н. Геярова, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Глава 1

Волны плескались, пузырились на кальке, лизали мне пятки, окатывали лодыжки. Я довольно потянулась и, смочив напоследок лицо, поднялась. Холодная вода остудила разгоряченную кожу, но от жара продолжало давить виски. Барабанной дробью стучало в затылке. Перед глазами плыли лиловые разводы.

– Найли!

Я обернулась, мокрые волосы хлопнули по спине. Тонкая рубаха облепила тело.

Мика стоял у деревьев, глядя на меня с немим восхищением на лице. И с глумливой, если не сказать, похабной ухмылочкой.

Я быстрым движением выжала юбку, собрала волосы в пучок, закрепляя их на затылке деревянной заколкой. Встряхнула одежду и уверенно направилась к просеке. Мика сделал быстрый шаг наперерез, выставил руки, преграждая путь. Как же, сын лорда Крэйка – канцлера короля Киллиана. И хотя самого лорда я ни разу не видела, поговаривали, что он обладал удивительной силой и тайными магическими знаниями, а также отличался высокой нравственностью и строгостью к сыну. Именно потому Мика и пребывал в Арине – поселке небольшом, хоть и вполне благосостоятельном. Вот только сын пошел не в отца. Он не перенял ни магических

сил, ни знаний, ни нравственности. Зато с удовольствием не пропускал ни одной юбки. По делам политическим и государственным сам лорд никогда не появлялся в Арине, о жене его и вовсе ничего не было известно. Пожилая нянюшка, оставленная следить за отпрыском, только и успевала строчить письма в город. А соседки – лупить своих дочерей.

Сейчас взгляд Мики, как, судя по всему, и недалекие желания, был направлен на меня. Смотрел он не только с похотью, но и с собственным превосходством. А у меня в висках стучало так, что взор становился мутным и весь мир казался переливающимся лиловыми отсветами.

– Уйди с дороги! – прошипела я, ловя обжигающий воздух.

Жар, непереносимый, ломающий тело. Мне исполнилось шестнадцать, когда он впервые прошелся по всему телу и больше не отпускал. Иногда казалось, будто кровь кипела, обжигающе стучала в виски, а воздух казался разгоряченным настолько, что я не могла дышать. Тогда я бежала к озеру, забиралась в холодную воду и лежала, пока не становилось хоть немного легче.

Мика усмехнулся. Прыгнул вперед и схватил меня за руку, привлекая к себе хозяйским жестом. В моих глазах полыхнуло, я успела упереться руками в его грудь.

– По-хорошему уйди! – прохрипела я срывающимся голосом, осознавая то, что произойдет дальше, внутренне содрогаясь и желая одновременно. А потом... Потом жар про-

падет на месяц, а может, два, мир станет обычным, я смогу свободно дышать и жить. Вот только...

Мика притянул меня сильнее, пальцы с силой сжали талию, скользя под влажную рубаху, вторая рука схватила за волосы, запрокидывая голову, не позволяя вырваться.

– Найли, я же сватов зашлю... Это другие так... А ты!.. – сообщил с придыханием.

Сватов? У меня закружилась голова. Зашлешь ты сватов, как же! А то попусту по весне Римка ревела в голос и чуть руки на себя не наложила, а после и подруга ее Катарина. А уж сколько еще было сломленных девичьих душ, поверивших и отдавшихся в руки Мики? Только богам и известно.

– Не верь, никому не верь, – жарко шептал он и все крепче прижимал меня к себе. – Я же тебя жду, мне никто не нужен.

– Уходи! – прошептала я, почти не слыша собственного голоса от внезапного звона в ушах.

Все.

Еще минута, и я уже не смогу контролировать себя. А он все стоял, в глаза заглядывал, руки ласкали разгоряченное тело, оставляя следы от жестких пальцев.

Я все-таки попыталась вырваться.

Мика резким движением толкнул меня к дереву и прижал к нему спиной.

– Не сопротивляйся, маленькая! Ты же знаешь, за мной как за стеной будешь, всю жизнь бед не знать. У меня дом в городе, отец купил. А если захочешь, здесь останемся. – Он

дрожал всем телом, осыпая мое лицо поцелуями.

Я держалась. Пыталась держаться. Но его губы коснулись моих губ. И мир взорвался фейерверком. Остались только лиловые разводы, видимые мною вокруг его тела. Яркие вспышки жизненной силы. Я задрожала, но не от страсти, а от внутреннего ужаса – чувствуя, как потянула от него жизненную силу, так требуемую моей сути. И остановиться я уже не могла. Я больше не сопротивлялась. Смотрела в глаза Мики и знала, что он в них видит просто с ума сводящую страсть, переливающуюся лиловыми разводами в глубине зрачка.

– У тебя самые прекрасные глаза в мире!

Последнее, что он успел шепнуть, прежде чем я ответила на его поцелуй.

«Еще бы!»

Я сама обхватила его руками, крепко прижалась к безвольному телу и, чувствуя его губы, вдохнула. Торопливо стянула с него рубаху, чтобы ощущать кожу. Мне было так нужно. Я просто хотела его. Всего... До последней капли. Это было так восхитительно, прекрасно, вкусно! Не остановиться.

Жар прошелся по всему телу и стукнул в затылок. Я дышала Микой, чувствуя во рту туманящий разум вкус жизни. Его жизни.

Мика содрогнулся, теряя стойкость, руки уже не скользили по моему телу, а судорожно хватались за него. Я дышала!

Я наслаждалась... Пока он не обмяк в моих руках. И только тогда отпустила его. Мика рухнул у моих ног. А я все еще не могла прийти в себя, голова кружилась от упоения его вкусом. Жар отступал медленно, даруя чувство полного удовольствия. А уж как хорошо и воздушно было в теле! Я облизнулась, снимая с губ последние искристые капли. Подняла взгляд на солнце. Яркие, лилово-оранжевые лучи меркли, приобретая вполне обычный вид. И как только они стали блекло-желтыми, пришло осознание. Я успела зажать рот руками, приглушая собственный крик. Мика лежал на земле, потерянным взглядом смотря в затухающее солнце. На лице его блуждала растерянная улыбка.

Я отпрянула в сторону, пугливо озираясь. Сделала несколько боязливых шагов от дерева, подхватила юбку и бросилась к поселку. Пробежала околотками, перепрыгнула через невысокий заборчик на задах собственного дома и мышью юркнула в приоткрытые двери. Только бы тетушки не было. Она увидит и поймет по ярким всполохам в зрачках, по разом посвежевшему виду. Последний раз поленом отходила. Если бы не Хилда, бросившаяся на помощь, забила бы до смерти. Я метнулась в кухню, потом в залу, прислушалась к звукам в доме. Тетушки не было.

В этот момент далеко у реки раздался крик, а следом утробный вой тетки Феоб, нянюшки Мики. И почти одновременно с этим в комнату вбежала Хилда. Бросила быстрый взгляд на меня. Я всхлипнула, прыгнула в кресло и оттуда

смотрела на нее взглядом загнанного зверька.

– Я не хотела! Он приставал! – выкрикнула через слезы.

Хилда, мгновенно побледнев, всплеснула руками, не сказав ни слова, кинулась наверх в комнату. Выбежала через минуту, таща небольшую сумку и на ходу засовывая в нее плащ.

– Бери! – начала вытряхивать из кармана монеты. – Здесь до Дарина хватит. Уедешь к отцу. Я уже год с ним переписываюсь втайне от матери.

Она бросилась к тумбе у окна, схватила перо и на вырванном из тетради листе начала быстро писать. Вернувшись, сунула написанное в мои дрожащие руки.

– Отдашь ему. Здесь и адрес записала.

Я вспыхнула от негодования.

– Но он же сам!

Хилда опустилась у кресла. Тоскливо улыбнулась, заглянув в глаза.

– Лорд Крэйк за сына... – Она сжала мою ладонь худыми пальцами. – Разбираться никто не станет. Второй человек в королевстве, не считая самого императора. У него связи такие, – вздохнула. – Мать вернется, я скажу, что ты уехала в соседнее село на ярмарку. Она только рада будет, если ты пропадешь. Про отца она ничего не знает, даже и не подумает.

Меня затрясло. Я вскочила. Хилда права, разбираться никто не станет. Да и что значит слово простой девчонки про-

тив сына канцлера. А тетушка... Своего неприязненного отношения к внезапно свалившейся на голову племяннице она не скрывала. Никто не станет за меня заступаться. А значит, остаток жизни я проведу в лучшем случае за решеткой, в худшем... Мне даже думать не хотелось, что может со мной произойти в худшем случае. Впопыхах я схватила собранную сестрой сумку.

Хилда поднялась. Вытерла ладонью слезы с моего лица, поцеловала в щеку. Я не выдержала, порывисто обняла сестру.

– Уходи через задний двор, – напутствовала меня уже на пороге. – В поселке двуколку не нанимай, по дороге с попутчиком до города добирайся, – быстро заморгала, на глаза накатились слезы. – Дай бог, все у тебя хорошо будет. А я свечку за тебя поставлю и молиться буду. – Еще раз на прощание порывисто обняла и подтолкнула к выходу.

Я проглотила слезы, стоявшие в горле, едва смогла благодарно прошептать:

– Спасибо, Хилда. И прощай!

После чего бегом бросилась к лесу. Уже заходя за деревья, оглянулась. Тихий поселок с небольшими одно- и двухэтажными домиками, с ухоженными двориками и довольно дружелюбными людьми. Синие крыши домов, лазурные берега озера. Сердце защемило, невыразимая боль сдавила душу. Сердце тоскливо стукнуло в ребра. В тяжелом предчувствии я махнула поселку рукой.

«Прощай, я буду скучать».

Развернулась и скрылась за деревьями.

* * *

День клонился к закату, когда я вышла к дороге. Оставалась слабая надежда поймать проходящую в город двуколку или, на худой конец, припозднившуюся телегу, идущую с поселковой ярмарки. Я посмотрела по сторонам и, никого не увидев, побрела по краю дороги. Ветер теребил мне волосы, покачивал ветви огромных многовековых сосен, разгоняя птах. Солнце сонно клонилось к горизонту, светило рассеянными закатными лучами, окрашивая в розовый низкие кучковатые облака. Чем ниже опускалось светило, тем быстрее был мой шаг. Я боязливо посматривала на затухающий горизонт. Дороги Девана славились мрачными историями. И были они отнюдь не о разгулявшихся в лесах разбойниках. Рассказывали поселковые про жутких монстров, выходящих из глубоких нор, о птицах, несущих за собой гром и молнии. Поговаривали о встающей по ночам нежити, жадной до плоти, о страшных упырях, желающих крови. И много о ком еще. Верить в эти рассказы можно было с большой натяжкой. Куда как более вероятно наткнуться на дреу или озлобленного гоблина. Хотя и эти со времен правления семьи Киллиан поутихли. Дороги находились под надзором стражей, а с приходом последнего наследника крови, лорда Истера,

по поселкам потянулись дозорные. Он и сам нередко заглядывал в местные уголья. Его я помнила хорошо. Высокий мужчина с властными карими глазами, огненно-рыжими волосами и твердой уверенной походкой. Было в нем нечто, не просто заставляющее трепетать, но даже испуганно прятать взгляд. Странная, словно волной следующая за ним грозная мощь. Боялись нынешнего императора, если и были какие разговоры о нем, то только шепотом и в кругу семьи.

Я вздохнула. Какой бы порядок в стране ни наводил правитель Киллиан, а мне было страшно. Нет, я не ожидала, что на меня вдруг нападут, и уж тем более не думала о нечисти, возможно, прячущейся за тенями деревьев. Я впервые оказалась так далеко от родного поселка, одна. Да еще и ноги разболелись. Сквозь тонкую подошву замшевых туфель чувствовались острые придорожные камни. Я шла хромая, проклиная любвеобильность Мики и свой темный дар. Если бы не последний... Интересно, кто из родителей наградил меня им? А может, это и не дар крови, а чье-то злое проклятие? Тогда почему оно передалось мне? Что сделала я или мои родители? За что наказана?

Я прислушалась к себе. Кроме усталости в ногах, ощущения были вполне бодрые. И это – пройдя пешком не менее десяти миль. А ведь любая другая поселковая барышня уже рухнула бы в лесу от усталости. Но я шла. Вздохнула. Лучше бы тело грызла боль и от жара ломило суставы, но это бы происходило дома. В уютном кресле, с чашкой терпкого успока-

ивающего чая, настоянного на травах, и сладкой плюшкой, выпеченной Хилдой. А что теперь? Дорога в чужой город, к дядюшке, которого я почти не помню. В кармане лежала записка Хилды, но мне это уверенности не придавало. С какой стати он должен принимать некую дальнюю родственницу? По просьбе дочери? Той самой, с которой он общается не больше года? Нет. Не верилось мне, что я найду у дядюшки приют. И как-то нехорошо сжималось в предчувствии сердце. Ведь если я права, то это поход в никуда, и ничего меня там не ждет. А все оттого, что никому не нужна. Я даже носом шмыгнула. Осталось слезу пустить. Но та не наворачивалась на глаза, не застилала взор, а застревала горечью в горле и там стояла. Я даже выплакаться не могла, как нормальная барышня. От самобичевания меня отвлек медленный перестук копыт позади.

Двуколка? Телега?

Я радостно обернулась. И тут же испуганно шарахнулась на обочину.

Две пегих лошадки понуро тянули черную, словно гроб, зарешеченную карету.

– Тпру! – Извозчик, мужик в темной шляпе и черном плаще, натянул поводья, останавливая копытных напротив меня. Цыкнул в седую бороду.

– В город? – проговорил на грубом северном диалекте.

– В город. – Я на всякий случай посторонилась. Жутковатый вид был и у кареты, и у извозчика. Последний почув-

ствовал мое замешательство, почтительно снял шляпу, обнажая лысую голову. Кивнул и улыбнулся, во рту блеснули железные зубы. Ком, стоящий у меня в горле, провалился в желудок и оттуда испуганно икнул. Я отступила еще на пару шагов, запуталась в юбке и шлепнулась на землю.

Улыбка у извозчика пропала, он шустро соскочил с козлов и одним широким шагом приблизился ко мне.

– Что же вы так неосторожно, барышня! – протянул крупную ладонь, помогая мне подняться. – Вы меня не бойтесь, я только внешне страшный. – На красном лице снова растянулась улыбка, чуть растерянная.

Я молча поднялась. Вблизи извозчик и правда не казался страшным, было в его лице даже что-то добродушное.

– Издалека? – продолжал он, неловко пытаясь помочь мне отряхнуться.

Я не ответила. Мало ли. Может, меня уже ищут.

– Да, впрочем, мне все равно, – махнул он. – И так вижу, издалека, – сделал приглашающий жест в сторону траурно-черной кареты.

– Садись, подвезем!

– Не... не надо!.. – мой голос задрожал. И в голову полезли самые малоприятные мысли. Я покосилась на карету, с ужасом представляя его пассажира.

Извозчик проследил за моим взглядом и рассмеялся открытым, добрым смехом.

– Не кусается он, совсем безобидный. Как бы ты сама его

не покусала. В город, в институт везу.

Я недоверчиво сузила глаза.

– А решетка зачем?

Извозчик потер усы и направился к повозке.

– Чтобы не сбег. Родитель желает, чтобы чадо училось.

– А чадо не желает? – Тут уж я усмехнулась, разглядывая крепкую карету и толстые прутья решетки.

Извозчик похлопал пегую лошаденку по толстому крупу. Та качнула головой, будто спрашивая: «Чего стоим?» Мужик обернулся ко мне, почесал в затылке.

– Кто его знает, чего нынче молодежь желает, а чего нет. Вот ты чего хочешь?

Я растерялась. Промелькнули разом сквозь призрачные воспоминания все прожитые годы. Вечно недовольная Инди. Синяки от ее побоев. Заступающаяся за меня Хилда, и иногда по той же причине тоже ходившая с синяками от тяжелой руки матери. Я, корчившаяся на полу в гостиной, ехидный смех Инди.

– Сдохнешь со своим даром, как и родичи твои!

Хилда плакала, поливала меня водой из старого ведра, накладывала мокрые тряпки на пылающее огнем тело.

А потом была первая жертва лилового дыхания. Нет, я не убила. Едва тронула. Какой-то заезжий, нечаянно встретившийся в переулке, он даже не заметил.

Зато заметила тетушка. Дикая злоба на ее перекошенном лице, когда я вошла вся обновленная, с сияющей кожей и пы-

лающими лиловым зрачками.

– Глаз-то не было, чтобы видеть, с кем повелась! Дура мать твоя... – с ненавистью выплонула мне в лицо. И просто ушла, сжав кулаки и трясясь от бессильной злости. Это бы единственный раз, когда Инди смогла сдержать ярость. Я машинально коснулась пальцами ребер. Сколько раз по ним прошлись кнутом, поленом и всем, что попадало под руку Инди. Оставались тонкие рубцы, неровные шрамы. Они проходили, стоило мне позаимствовать хоть немного чужой силы. Вот только исчезали они с кожи, а в душе так и оставались, кровоточили и разрастались в один большой багряный рубец.

Что я хочу? В глаза мне светили последние лучи уходящего на покой солнца – бледные, тусклые, едва ли дающие тепло. Мертвые лучи.

– Одиночества, – проговорила я чуть слышно. – Спокойствия. Свободы от... – осеклась, потупила растерянно взгляд. Надо же, расчувствовалась!

Извозчик кашлянул в руку. Нахлобучил шляпу на голову, уже из-под ее широких полей бросил хмурый взгляд.

– Обидел, что ль, кто?

Я не поднимала на него взгляда и уже сожалела о вырвавшихся словах. Сейчас расспрашивать еще, не дай нечистые, начнет.

– Оттого и в город подалась? – подтвердил мои опасения извозчик.

Я сунула руку в карман платья и крепко сжала тонкую бумагу с неровным почерком Хилды.

– В поселках поганцев хватает, но и в городе их немало, – продолжал мрачно старик.

– Некуда мне больше, – ответила тихо.

– Ну, раз некуда. – Извозчик вздохнул сочувственно, размашистым шагом прошел к двери, щелкнул ключ.

Я подняла глаза, чтобы заглянуть в нутро кареты, столь же мрачное, как и весь ее внешний вид.

Мужчина сделал приглашающий жест.

– До города довезу. Денег не нужно. На колесах все скорее доберешься.

Я оглянулась. В сумраке чудились в лесу неясные тени, слышались шорохи. Совсем рядом хрустнула ветка. Я смелая... Ночью до озера бегала...

За соседними кустами послышался вой. С визгом пронесся среди деревьев гонимый страхом лесной зверь. У меня взмокли ладони. Нет, я трусиха! Добежать по освещенным улицам до озера смелости не нужно.

Поторапливая меня, всхрипнула рядом пегая лошадь и покосилась карим глазам. Я прижала к себе сумку и направилась к извозчику. Он протянул руку, помогая мне взобраться на ступень. Оказавшись внутри кареты, я на секунду зажмурилась, ослепленная ярким фонарем. За спиной послышался щелчок ключа. Я молниеносно обернулась. Дверь за мной была заперта.

«Вот же нечистые!» – выругалась я.

– Пшла, родимая! – раздалось за стенкой. Качнулся фонарь, разбрызгивая тени по черному бархату обивки, и в груди у меня испуганно, с трепетом застучало.

«Дура! – обругала сама себя. – Так тебе и надо будет, если не выпустят. Ишь испугалась звуков лесных! А здесь тебе теперь не страшно? И отчего чужому человеку доверилась? Хотя какая теперь разница, по приезде видно будет. Если он вообще меня в город повезет».

Я попяtilась, устало опустилась на диванчик рядом с ворохом тряпья. Вытянула ноги, хоть они отдохнут. Да и мне бы не мешало. Куда бы меня ни привезли, силы понадобятся. Я прикрыла глаза и опустила голову на тряпки.

– Осторожнее! – раздраженно буркнули из-под них.

Я вскрикнула и одним прыжком оказалась на диванчике напротив, поджав под себя ноги. Усталость молниеносно пропала. Я пошарила по сиденью в надежде нащупать хоть что-то, чем можно защититься.

– Здравствуйте! – продолжили из угла.

– З-здравствуйте! – пролепетала я, не найдя ничего, кроме собственной сумки, и оттого крепко прижав ее к груди.

Ворох тряпья зашевелился. Из-под него показалось худощавое конопатое лицо. Карие глаза пристально смерили меня взглядом. Потом сощурились и тут же удивленно распахнулись. Тонкие губы растянулись в доброжелательной улыбке.

– Зак! – Человек откинул тряпье, на деле оказавшееся серым бесформенным плащом. Протянул худую руку. – Зак Дюшон.

Я облегченно выдохнула. Совсем забыла, а ведь извозчик говорил, что везет чадо в институт. Вот это самое, рыжее, конопатое, взлохмаченное чадо.

– Найли, – не могла я не улыбнуться в ответ от всего его несуразного и даже чуть диковатого вида. – Найли Сторм.

– Рад! Очень рад! – Он с таким усердием тряс мне руку и заглядывал в глаза, не переставая улыбаться, что я испугалась, не разыгрался ли во мне снова треклятый дар. Вот сейчас поднимется, нахлынет, и будет добродушное чадо валиться у моих ног. Вот тогда мне точно несдобровать. Горько усмехнулась: ишь как оно вышло, я практически сама загнала себя в камеру. Сбежать из запертой кареты с решетками на окнах я не представляла себе возможным. Но тут Зак наконец отпустил мою руку. Начал суетливо озираться. Я облегченно выдохнула. Пронесло! Паренек встал. Роста он оказался невысокого, пожалуй, на полголовы выше меня. Он весело подмигнул мне, откинул седушку диванчика, под ним оказалась ниша, из нее он выудил полосатый платок.

– Расстилай, – Зак подал мне его с торжественным видом. Я послушно раскинула платок на своем диванчике.

– Накрывай! – Он склонился над нишей, доставая из нее продукты.

В руки мне легла круглая буханка хлеба. Потом кусок бу-

женины и головка желтого сыра. Фляжка с плескавшейся внутри водой.

У меня от одного вида еды слюнки потекли.

– Сейчас поужинаем. – Зак уселся напротив. – Одному кусок в горло не лезет.

Я усиленно закивала головой.

Парень вытащил из-за пояса ножик, вытер о штанину, отрезал кусок хлеба, шмякнул на него толстый кусок мяса, а сверху сыр.

– Держи! – протянул мне.

Я схватила бутерброд и вцепилась в него зубами. Но вдруг представила, как выгляжу со стороны, и покраснела. Зак не переставал улыбаться. А улыбка у него была открытая и располагающая, будто мы знакомы всю жизнь. И мне стало спокойно с ним. Я отбросила всякие стеснения и с удовольствием начала жевать. Зак взял в руки фляжку, открутил крышку. И вот тут только что откушенный кусок чуть не встал у меня поперек горла от удивления. Пальцы Зака стали раскаленно-красными, он сжал фляжку в ладонях, а через минуту из тонкого горлышка пошел дымок. Вода забурлила! Руки парня вернулись в обычный вид, кожа приобрела нормальный цвет. Зак спокойно разлил кипяток по стаканам.

– Как ты это сделал? – кусок все же пришлось прожевать, прежде чем спросить.

Парень отпил из кружки.

– А ты думаешь, отчего меня в этот зверский институт

отправили? – Он откусил от своего бутерброда и начал медленно жевать.

Зверский институт? Мне стало не по себе. Интересно, и что за институт такой? Спрашивать дальше было неудобно. Я откусывала от бутерброда, а сама все наблюдала за Заком. Милый, лицо доброе, а вот глаза грустные, будто тоска в них глубокая и болезненная.

– Смотреть на меня отец не может... – прервал мои размышления парень. – Хотя какой он отец, – произнес горько. – Мама изменила, сама при родах умерла, так и не сказав, кто настоящий родитель. Убить младенца рука не поднялась. Только чем старше я становился, тем сильнее от отца отличался. Все во мне не так, лицо чужое, телом не вышел. Братья у меня знаешь какие? – прозвучала легкая зависть, следом тяжелый вздох. – Разве что и есть семейного – глаза. Мамины, говорят, карие. А тут еще и «странности». Отец долго старался терпеть мое присутствие рядом. Но, видимо, терпелка закончилась.

– И тебя отправили в институт?

В моем голосе было слишком много удивления.

Зак посмотрел на меня изучающе.

– Ты и правда не знаешь! – проговорил он, чуть скривив губы. – Это не просто институт. Это институт проклятых.

– Проклятых? – Собственный голос показался мне глухим.

– Их самых, – кивнул Зак. – Там таких, как я, учат справ-

ляться со своими «странностями».

– А если не справляются? – Есть мне совершенно расхотелось. Я положила надкушенный бутерброд обратно на платок.

– Не возвращаются, – зловеще прозвучало из уст Зака.

У меня под ребрами кольнуло, и дыхание стало учащенным. Как так?

– Что значит не возвращаются?

Зрачки Зака полыхнули огненно-красным.

– Мы прокляты. Таким, как я, нет места среди простого народа. Правительство не позволит. Так что можно считать, отец поступил благородно. Дал мне шанс.

Я в ужасе уставилась на Зака.

– А ты уверен, что твоя «странность» – проклятие?

Мне стало совсем неуютно. Я очень ясно видела себя на месте Зака. У меня тоже есть... «странность», которую я считаю проклятием.

– Меня никто не спрашивал, считаю я это проклятием или даром. Ты видела, как я воду вскипятил? Я научился это делать за месяц, подчинять себе небольшие вспышки. – Он с гордостью посмотрел на меня. А я съежилась под его взглядом. Столько силы излучали глаза Зака, что мне разом места в карете мало стало. Само лицо его изменилось, став непроницаемо-жестким, с твердой уверенностью в сведенных скулах. – Я уверен, я смогу подчинить, научусь работать с тем, что во мне. – Он замолчал, еще пару секунд в суженных зрач-

как плескалось огненное пламя и потом затухло. Я облегченно выдохнула. Чувство обитающей в карете душащей силы пропало. Зак рассеянно улыбнулся, снова став тем самым паренком – чуть диковатым и взлохмаченным. – А ты зачем в город? – спросил как ни в чем не бывало.

– К дяде, – выдавила я.

– В гости?

Отвечать не хотелось. Но Зак смотрел. И мне было неудобно под его взглядом. Вроде и сидит худой неуклюжий паренек, а я готова под диван заползти от его пронзительного взгляда, помня, как еще минуту назад он чуть не раздавил меня прямо в карете внезапной магической мощью.

– Можешь не отвечать, если не хочешь. – Он начал убирать с импровизированного стола. – До города далеко, только к утру прибудем. Ты отдохни, да и мне надо.

Зак сунул все под сиденье и вытянулся на диванчике, прикрывшись плащом. А я продолжала сидеть и внимательно смотреть на парня. Странность – так он назвал свое проклятие. И он действительно был странным. И дело было не в умении греть воду во фляжке и управлять огненными всполохами. Нет... Все куда глубже. Сила. В худеньком теле была страшная, дикая сила, способная не просто испугать, но – я была уверена – убить. Вот для чего эта решетка и кованая карета. И странный институт... Я всматривалась в нового друга. Во сне у Зака было доброе и очень привлекательное лицо, можно было даже сказать аристократичное.

Я вдруг поймала себя на мысли, что мне будет нестерпимо больно, если он не сможет научиться подчинять свое проклятие. И набатом прозвучали зловещие слова Зака: «Не возвращаются!»

Как страшно. Проклятым не место среди обычных людей. В этом он точно прав. Я жила среди людей, и чем это закончилось? Мне не место... И все-таки... Не возвращаются. Не хотела бы я попасть в институт проклятых.

Я перевела взгляд на решетку окна. Тьма давно окутала окрестности, и только фонари кареты немного разгоняли ночь. Стучали колеса по мощеной дороге. Фургон трясся, поскрипывали балки. На сердце тоже скрипело. Его все сильнее сжимали тоска и страх перед будущим. Фонари раскачивались в решетке окна, и голова моя постепенно опускалась ниже. Веки закрывались сами собой. Я уже проваливалась в сон, но все же успела напоследок увидеть пристальные огненные глаза Зака, смотрящие на меня.

Глава 2

В город въехали с первыми лучами. Гулко разносился стук копыт по мощеным улицам. Серые стены домов тянулись высоко, окна были плотно задернуты шторами. И все же Дарвин показался мне величественным и прекрасным. За свои семнадцать лет я ни разу не выбиралась из родного поселка и сейчас с любопытством смотрела по сторонам. Хотя людей в столь ранний час почти не было, но я так и представляла себе мужчин, медленно вышагивающих с тросточками в руках, неторопливо ведущих разговоры непременно о политике. А еще вальяжных дам в прекрасных платьях, строго соответствующих последней моде, с невероятными прическами и зонтиками, с надменным унынием на лицах. Отчего надменными? А как же иначе? Простые в таких городах не живут.

А как удивили меня дворники в синих клетчатых рубашках и длинных черных фартуках, с утра метущие улицы!

– Тпру! Куда пошла? – Полный дядька вгонял нетерпеливую лошадь в оглобли, она мотала головой и косилась на проезжающую карету карим глазом. Я помахала кобыле. Она в ответ махнула хвостом.

Шарканье метлы, запах свежих утренних булок. А где-то уже хлопали раскрываемые окна.

– Смотри, Зак, фонтан! – Я чуть не выпала из кареты, ко-

гда въехали на площадь.

– А то я фонтанов не видел, – буркнул Зак, поднялся и выглянул вслед за мной. Вот только смотрел не на фонтан, а на меня. И тоже начал улыбаться.

– Он радужный! – Я чуть не задохнулась от восторга, глядя, как переливаются в восходящих лучах серебристые, золотистые и алые струи.

Зак приглушенно засмеялся.

– Ты никогда не была в Дарвине?

– Никогда! – призналась я.

– Тебе здесь будет интересно, – приглушенно сказал парень, я обернулась, посмотрела на него и засмеялась оттого, что хорошо было и легко. Я, наверное, еще много бы чем восторгалась, ловя улыбочивый взгляд Зака, и смеялась бы, но карета свернула в переулок и остановилась.

– Приехали, – бросил вожжи извозчик и спрыгнул с козлов.

Щелкнул замок, дверь открылась.

– Нам за город. Дальше придется вам, милая барышня, идти самой.

Я взяла плащ, с легкой грустью обняла Зака. Он в ответ прижал меня к себе, и снова я ощутила то странное и сильное, что исходило от него. Вот только теперь меня всю жаром обдало, даже дышать стало тяжело. Я отстранилась.

– Удачи в учебе!

Он коснулся моей щеки горячими пальцами.

– И тебе удачи, Найли.

Я выпорхнула из кареты, помахала ей на прощание рукой и смотрела вслед, пока та не скрылась за поворотом.

Как же мне хотелось, чтобы у Зака и правда все получилось! Как много готова была отдать, чтобы знать, что это не единственный и последний раз, когда мы виделись! Хотя меня и испугала его «странность», но... Он был хорошим. Самое лучшее утро в моей жизни прошло рядом с ним и очень быстро закончилось.

Я подавила грустный вздох, порылась в карманах, нашла письмо Хилды, прочитала адрес, который за время путешествия практически выучила наизусть.

– Не подскажете? – обратилась я к проходящему дворнику.

Дядька, не выпуская из рук метлу, шмыгнул носом, глянул в протянутую бумагу и махнул рукой.

– Здесь близко, через пару домов направо свернешь. Там сама увидишь.

Я поблагодарила и направилась в указанном направлении. Нужный мне адрес и правда оказался рядом.

Я некоторое время стояла, с интересом глядя на дом. Длинный, пять резных деревянных дверей, к каждой отдельный вход со ступенями. Указанный Хилдой номер оказался посередине. Я стояла перед дверью, в нерешительности теребя ворот платья. Как встретит меня дядюшка Джиб, которого я и в лицо-то не помнила?

– Вы ко мне? – раздался спокойный голос сзади.

Я испуганно обернулась.

Мужчина с седоватыми волосами смотрел на меня. Лицо чуть тронула вежливая улыбка, искажающая и делающая частые морщины еще более глубокими. Неужели это и есть дядюшка? Он был в длинном пальто. В одной руке шляпа, в другой – бумажный пакет с торчащими из него длинными булками.

– Если вы Джиб Ларсен, то к вам, – наконец обрела я дар речи.

Он чуть удивленно приподнял брови и кивнул. Поднялся по ступеням, глаза внимательно рассматривали меня.

– Давно юные леди перестали ко мне захаживать.

Он сунул шляпу под мышку, порылся в кармане в поисках ключей. Пара минут – и он уже благосклонным жестом приглашает меня войти в дом. И я вошла. После поселкового дома с огромными витражными окнами от пола до потолка квартиры дядюшки показалась темной и неудобной. Длинный коридор с отходящими в стороны дверьми скорее напоминал мне деревенский барак. Лестница на второй этаж из темного дерева, кое-где с облупившимся лаком, что придавало ей совсем непривлекательный вид. И множество картин в старых пыльных рамках.

Дядюшка Джиб положил шляпу на полку рядом с вешалкой, стянул пальто. Помог мне снять верхнюю одежду и любезно предложил идти за ним.

Шла я озираюсь. С интересом рассматривала картины. Какие-то были небольшие, некоторые от потолка до пола. На каждой незнакомые мне люди. Женщины в пышных платьях с кринолинами и отстраненными выражениями фарфоровых лиц. Мужчины с пронзительными глазами, смотрящими, казалось, сквозь меня. У одного я заметила отчетливое сходство с дядюшкой. Родственники? В нашем поселковом доме картин никогда не было. Инди всегда говорила, что они – рассадники пыли. Дядю, судя по всему, мало заботила чистота помещения, потому, дойдя до залы, я громко чихнула и потеряла зачесавшиеся глаза.

Джиб прошел, распахнул тяжелые портьеры, запуская в комнату солнечные лучи, и открыл окно. Я наконец свободно вздохнула. И хотя в комнату ворвался отнюдь не свежий воздух, наполненный запахом травы и близкого озера, почувствовала себя лучше.

– Присаживайтесь, юная леди, – показал дядюшка на довольно потертое кресло с деревянными подлокотниками. Рядом красовался резной столик, тоже выдавший виды. Сервант у стены. И снова картины.

– Леди?.. – повторил Джиб и посмотрел на меня вопросительно.

– Найли, – откликнулась я вежливо и присела в легком поклоне. – Найли Сторм.

Только произнесла это и сразу же пожалела. В следующую минуту мне отчаянно захотелось забиться в угол или выбе-

жать из зала и унести куды глаза глядят, лишь бы они не смотрели в лицо Джиба, которое вдруг побледнело, а спустя мгновение покрылось бордовыми пятнами. Еще минуту назад бывшее великодушно-улыбчивым, оно исказилось злобой гримасой, глаза полыхнули так, будто хотели испепелить меня на месте. Руки нервно затряслись, кулаки то сжимались, то разжимались. Я начала озираться и пятиться к коридору. Можно было только поражаться столь разительной перемене настроения дядюшки.

– Сторм! – От рыка задрезжала посуда в серванте.

И откуда в дряблом теле такой голос?

Я ойкнула.

Шея дядюшки напряглась так, что выступили вены. Скулы напряглись, натягивая кожу. Джиб пару минут смотрел на меня, пытаясь испепелить и активно изменяясь в цвете лица. Потом по телу его прошла судорога, он обреченно выдохнул и тяжело рухнул в кресло.

– Присаживайтесь, Найли. – Он устало указал на кресло напротив. – Извиняюсь, я испугал вас. Это... это... – Он так и не подобрал слов, а только посмотрел на меня грустными глазами.

Присесть я не решалась.

Он попытался доверительно улыбнуться, вышло вяло и неестественно. Я сильнее напряглась.

– Для чего вы здесь? – выдавил дядюшка.

Я дрожащими руками вытащила письмо. В нерешитель-

ности помяла его в руках. Подходить к Джибу было страшно. Он усмехнулся старческими тонкими губами, глядя, как я переминаюсь с ноги на ногу.

– Давайте. Что там у вас?

И я подошла.

Письмо он читал медленно, несколько раз задумчиво смотрел на меня, морщился, вздыхал. Потом положил лист на столик.

– Что ж, понятно. – В этот раз улыбка у него вышла естественная. – Как там Хилда? Небось уже совсем большая девочка? – С интересом смерил меня взглядом от пят до макушки. – Вы же, леди Найли, пожалуй, будете младше?

Я кивнула, сцепив крепко пальцы и косясь на выход из зала. Вдруг у Джиба снова изменится настроение и мне все же придется бежать.

– Ну-у, не стойте у меня над душой, – поморщился он. – Присаживайтесь. В конце концов, мне не слишком удобно вести беседу, когда вы нависли надо мной, словно мраморное изваяние.

И я села напротив, на самый краешек кресла.

– Давно не видел Хилду, – скользнул Джиб по мне туманным взглядом.

– Она очень добрая и... хорошая, – чуть слышно пролепетала я.

Он покачал головой, словно болванчик, и проговорил с особой нежной грустью:

– И уж, верно, не замужем?

Я кивнула.

– Немудрено. – Его блуждающий взгляд остановился на одном из портретов. Красивая женщина с глазами цвета лазурного неба, с нежной улыбкой, ровно вычерченными скулами и вьющимися каштановыми волосами смотрела с полотна, проникновенно и таинственно. – Это все из-за вас. – Он говорил тихо, но столь пронзительны были слова, что казалось, будто они звенели у меня в голове. – Вы разрушаете жизнь всех, кто рядом. Любите вы их или ненавидите, не имеет значения. Одно ваше присутствие рядом – это катастрофа, несчастье для любого, кто захочет быть ближе...

Я покраснела. Слова дяди были слишком правдивы. Слишком много в них было вложено такого, что я понимала. Он практически раскрывал мне тайну моего появления в его доме. Я поерзала в кресле, ставшем разом неудобным. Джиб глянул на меня мельком.

– Я вас не обвиняю, – скривил в гримасе губы, поднялся и неуверенной походкой прошел к серванту. Но не дошел. Остановился у того самого портрета. – Это все проклятие. Ваши родители, леди Найли, вот кого уж нужно винить.

Я вся напряглась.

– Прекрасна... – Джиб коснулся трясущейся рукой портрета. – Всегда была неумолима, недоступна... прекрасна, – голос задрожал, стал глухим.

Дядюшка прикрыл глаза, пальцы шарили по портрету,

касались нарисованной руки, скользили по тонким белым пальцам. Было в его жестах нечто болезненное, интимное и отчего-то неприятное мне.

– Кто она? – все же задала я вопрос. Хотя внутри почувствовала, что ответ уже знаю. Слишком знаком мне взгляд карих глаз красавицы. И этот полуповорот головы, и отчужденность в прямом взгляде. Я будто смотрела на саму себя, только более уверенную и холодную.

– Мама!

Я поднялась и подошла ближе, всматриваясь в образ самой родной для меня женщины. Я никогда в жизни не видела её портрета. Не предполагала, что настолько на нее похожа.

– Сэлли. – Джиб открыл глаза, с судорожным выдохом опустил руку. – Единственный оставшийся портрет. Родственники избавились от всего, что было с ней связано. Кто бы знал... – Он направился к серванту. – Сколько вам было?.. – Он открыл дверцу, достал кiset, курительную трубку и начал задумчиво набивать ее табаком. – Года два, не больше.

– Почему она оставила меня? – перебила я размышления дяди.

Джиб застыл с кisetом в руках, медленно отставил его в сторону.

– Она не хотела. У нее не было выбора. Иногда нам приходится принимать решения по не зависящим от нас обстоятельствам. Вы были совсем крохой... А мы наивно счита-

ли, что ген отца не прицепится к вам. Все-таки это передается по мужской линии. Он мужчина, вы женщина. Вы не должны были... Однако видя вас здесь... – Дядя повернулся и присмотрелся ко мне. Еще секунду назад ничего не выражающий взгляд наполнился смыслом. Руки, держащие трубку, начали подрагивать. – Очарование! Умопомрачающая страсть! – У Джиба дернулся кадык. Дядя сглотнул, нервно бросил трубку на полку и направился из зала, на ходу бросив: – Дальняя комната, можете остановиться в ней. Я постараюсь хоть что-то сделать для вас, пока вы сами не натворили дел.

– Я могу устроиться на работу, – в спину ему выкрикнула я.

Он остановился, оглянулся и нехорошо усмехнулся.

– На работу? Вы? Это ваше худшее предложение. Гарантирую, с вашим проклятием мы проблем не оберемся. Вам нужно что-то иное... – Дядюшка почесал затылок и, бормоча что-то тихое себе под нос, скрылся в одной из комнат.

А я осталась стоять в зале с так и не заданными вопросами. Кто был мой отец? В чем виноваты мои родители? Что дядя Джиб знает о моем проклятии?

Но догонять его и спрашивать я не осмелилась. Несколько минут смотрела на мамин портрет, а потом пошла искать выделенную мне комнату.

Вход в нее обнаружился за неприметной дверью в самом конце коридора. Помещение оказалось небольшим, я бы да-

же назвала его закутком: кровать, тумба и шкаф, двоим в ней было бы тесно.

Порадовало окно во всю ширину стены. Едва вошла, раскрыла занавески, чихнула от пыли на подоконнике, но все равно распахнула створки. В лицо ударил запах просыпающегося города, свежей прессы, пышных булок, запах людей и конского пота – яркая, будоражащая смесь.

Тяжелые мысли, возникшие во время разговора с дядей, улетучились, и мне безумно захотелось не просто видеть, а ощутить город. Пройтись по шумным аллеям, заглянуть в местные магазинчики и, наконец, собственноручно окунуть руки в феерический радужный фонтан.

Выскользнув из комнаты, я прошлась по коридору. Услышала тяжелый вздох в зале, не сдержавшись, заглянула. После моего ухода Джиб вернулся и снова стоял у картины мамы. Смотрел на нее и гладил по нежному лицу портрета крючковатыми дрожащими пальцами. Я отступила. Торопливо накинула плащ и выскочила из дома. Тут же в уши ударили многоголосые звуки. Громко процокала проезжающая мимо двуколка. Торопясь, прошел высокий лорд, опираясь на тонкую трость. Некая леди бросила на меня скользящий взгляд и удалилась, тонко стуча каблучками.

Я же спешила по улицам, почти бежала от нетерпения и в предвкушении встретившей меня новизны.

Город был великолепен.

Ближе к обеду я уже побывала на площади и исполнила

загаданное: сунула руку в радужный фонтан, отчего пальцы мои окрасились в яркие цвета. Зарулила в булочную, нашла в кармане пару тивров и купила круглую булочку с джемом. Жевала и шла, рассматривая стены городской цитадели, заглянула в местную церковь. Та поразила меня убранством и прихожанами – все как один в темных одеяниях, с цепкими пронзительными взглядами. Оттуда я поспешила уйти, едва ко мне направился один из адептов с лучезарной улыбкой и выражением хищника на породистом лице. На ходу он раскрывал тонкую брошюру с яркими картинками. Я быстро нырнула в толпу прихожан и на цыпочках сбежала из святой обители.

Нашла городскую библиотеку и даже полистала книжки, читать я умела хорошо. Все-таки поселковая школа была одной из лучших в стране, недаром там учился сын канцлера Крэйка.

Как-то незаметно я вышла на улицу загородного квартала. Судя по всему люди здесь обитали зажиточные. Дома за высокими стенами встретили меня молчанием. После шума центральных улиц здесь мой слух мог отдохнуть. С интересом заглядывая за решетки железных прутьев ворот, я остановилась у самого большого дома. Стены оплетал развесистый плющ. Я от восторга даже рот открыла: за воротами виднелся не просто роскошный дом, а настоящий замок. Над воротами герб – открывший в реве пасть дикий зверь. На лужайке у дома павильон. Извилистые аллеи с роскошны-

ми цветами в ухоженных клумбах. Фасад здания украшали колонны. Как же там, наверное, красиво внутри. Огромные комнаты, богатое убранство. С правой стороны на колонне у ворот висела золотая табличка «Городская резиденция первого советника Гэйли Л». Как бы я хотела жить в таком доме! Наверное, и прислуги там много. Ах, мечты! Почему мечты? Я могу устроиться прислужгой. А чего, работой меня не испугать. Я грустно вздохнула. Кто меня возьмет в такой дом! Здесь и рекомендации затребуют, и справки с трудовых бирж. Ну что же, не судьба. Но как же хорош!

Я отступила к тропинке и пошла дальше вдоль улицы.

Пока ходила, солнце начало клониться к закату.

Это был хороший день, и я в прекрасном настроении направилась в дом родственника.

Дядюшка встретил меня какой-то нарочито-любезной улыбкой. Я кожей почувствовала: что-то не так.

– Проходите, леди Найли, приведите себя в порядок, и будем ужинать.

Привести в порядок? Я в недоумении отправилась в свою комнату, подталкиваемая дядюшкой. Джиб подмигнул мне и прикрыл дверь. Мне совсем не понравилось его поведение. Но делать нечего, куда я пойду на ночь глядя. Махнула рукой, посмотрим, что он там задумал. Авось это все мое разыгравшееся воображение. Я разобрала сложенный Хилдой рюкзак. Из платьев только то, что на мне. Пара кусков душистого мыла. Не много. Работу нужно находить срочно.

Завтра же начну поиски!

Легкий стук отвлек меня от созерцания собственного небогатого добра.

– Войдите!

Дядюшка, потирая руки, заглянул в комнату.

– Вы голодны? Стол готов... У нас ужинают в гостиной.

Да, я была голодна. Последний раз небольшую, но вкусную булочку съела на улице еще в обед.

– Можете попросить экономку постирать одежду. – Джиб с сомнением посмотрел на мой вытряхнутый на кровать скарб и прикрыл за собой дверь. Я бы, конечно, попросила, если бы мне было во что переодеться. Я бы еще и помылась... С этой мыслью я вышла из комнаты и направилась в гостиную. Дядюшка сидел за столом и выжидательно смотрел на меня. Здесь же находился еще один мужчина. Он вежливо поднялся, едва я вошла, отставил стул, приглашая к столу.

– Очень рад! – деликатно поцеловал мне руку, всем видом показывая, что очарован мною. Я искренне смутилась. Все же до ванной моя скромная особа так и не добралась. – Сэр Ричард Дансен.

– Найли Сторм, – потупила я глаза.

Он усадил меня за стол, а сам устроился напротив.

– Чудесный вечер, не так ли? – начал он, откровенно меня рассматривая.

Чудесный? Я перевела взгляд на дядюшку. Поймала его

лоснящуюся от восторга улыбку.

– Найли, как вам город? – продолжал сэр Дансен. Подхватив мою тарелку, он ловко положил в нее салат и картошку, сверху добавил мясо птицы и подал мне.

– Мило, – буркнула я, уткнувшись в тарелку.

Сэр Дансен приглушенно засмеялся. Я не поднимала головы. Не нравился мне этот гость. Вообще, если бы не он и не напряжение, источаемое Джибом, то сам ужин был бы превосходен. Птица оказалась бесподобной, картошка таяла во рту, салат – из наисвежайших овощей. На столе несколько принадлежностей: ложка, вилка и даже ножик, все по этикету, которого я, к слову сказать, не знала. Потому повертела сначала один прибор, потом другой и, решив не заморачиваться, начала орудовать ложкой, вызвав тем самым на лице дяди скептическую ухмылку. Чай, завершающий ужин, был необычайно ароматным, оттого ли, что налили его в маленькие фарфоровые чашеки, или я правда была слишком голодной.

Дядя пил маленькими глотками и посматривал в сторону сэра Дансена. А тот был чопорно медлителен. Делал один глоток и отставлял чашечку, после чего минуту-две созерцал меня, отчего мои щеки не переставали алеть, а взгляд становился все мрачнее.

– Где вы учились? – спросил уважаемый лорд, когда я взялась за второй круассан. Я подавилась, мысленно прокляла и дядю, и его странного друга.

– Восемь классов сельской школы. Закончила с отличием.

– А дальше?

– Дальше? – покосилась на дядюшку. Он молчаливо кивнул мне – рассказывай.

Я посмотрела на круассан. А мне, вообще, доесть дадут? Так ли это важно для леди, училась ли она? Инди всегда говорила, что девушкам среднего сословия наука ни к чему. Окончила школу, и ладно. А там замуж выйдет, и все эти мудрености только голову будут забивать.

Дядюшка Джиб скривил рот.

– Без образования вас возьмут разве что прислугой, – поддерживая, кивнул ему гость.

Я отложила недоеденную булочку в сторону, пытаюсь понять, к чему они клонят.

– Вы очень красивая девушка, – продолжал лорд Дансен.

У меня запершило в горле.

– И если правда то, что написала леди Хилда, то у вас к тому же очень крупные неприятности.

Я хмуро порадовалась, что разговор начался во время чая, иначе отбили бы всякий аппетит.

Дядюшка и гость переглянулись.

– Сэр Ричард Дансен, – елейно завел Джиб, – приближенный лорда Гэйли. Ты, скорее всего, слышала. Первый королевский советник. Сын у них сушая оторва... Лорд Лансен Гэйли давно подыскивает ему жену... Таковую, чтобы не стыдно было ко двору привести. А ты, вероятно, не знаешь, что

при дворе всегда ценились истинные красавицы.

Я отодвинула чай. Гэйли? Я слышала. Вернее, читала на золотистой табличке особняка на окраине города.

– Вы очень красивая девушка, – повторил дядюшка Джиб, не совсем верно поняв мою мимику. – Не нужно смотреть на меня так. У Гэйли хорошие связи. Его семья сможет защитить вас от канцлера. Вы же прекрасно понимаете, какая угроза нависла над вами... – Он даже сглотнул. – А у советника с канцлером давно расстроены отношения. Вы же умная девушка. Помните, как там: враг моего врага – мой друг. Гэйли не дадут вас в обиду Крэйку. А я слишком маленький человечек, – дядя развел руками. – Если вдруг что случится, защитить не смогу. Поверьте, леди Найли, в сложившейся ситуации я думаю только о вас.

Теперь сглотнула я. Вот для чего здесь достопочтимый сэр Дансен. Смотрины устроили. Поглядеть пришел на возможную невестушку. И, судя по заплывшему взгляду, более чем доволен. Дядя очень быстро решил, что делать с внезапной проблемой, возникшей в его размеренной жизни, а может, смекнул, какую выгоду может поиметь с красивой племянницы. Как обидно! Ведь выглядел добропорядочным стариканом. Интересно, сколько ему заплатят в случае удачной сделки? В том, что здесь происходит именно сделка, я не сомневалась. Судя по квартире, она знавала лучшие времена. Вероятно, с моей помощью дядюшка решил вернуть ей если не былую роскошь, то хотя бы нормальный вид.

– Найли. – Дядя облокотился о стол. Наставительно посмотрел на меня. – Если вы не захотите, я не буду заставлять. Я всего лишь прошу встретиться с их сыном. Не понравится, я дам вам денег и... Здесь вы не можете оставаться, – сказал он напряженно. И мне даже показалось, с жалостью ко мне. Если бы кто знал, как мне сейчас самую себя жалко было. Я посмотрела на дядю, на морщинистое старческое лицо. Много ли хорошего он видел в жизни? Да и не заставляет он меня вовсе. Просто... у него глаза просящие. Еще я видела, с какой затаенной нежностью смотрел он на портрет мамы. А Гэйли... Он прав. Мне будет нужна защита. И не только. Чем плохо стать женой сына советника? Пожалуй, одни выгоды.

Я неторопливо поднялась, расправила юбку и отвесила дяде поклон.

Сэр Ричард мгновенно встал, обошел стол. Я подала руку. Легкое прикосновение губ к пальцам неприятно обожгло. С трудом сдержала рвущееся наружу чувство омерзения.

– Можно надеяться получить ответ в ближайшее время? – проворковал лорд, заглядывая в мое лицо.

Я ответила кивком и вышла из комнаты, шурша юбкой.

Глава 3

Я стояла у ворот дома советника Гэйли.

Двуколка, специально присланная за мной, отъехала и уже скрылась за поворотом. А я все переступала с ноги на ногу в нерешительности. Еще вчера даже мечтать не могла попасть в столь шикарный особняк. Теперь не в силах заставить себя открыть витиеватые ворота и войти, хотя полночи провела без сна, прикидывая все плюсы и минусы такого сватовства. Под утро решила, что первых больше, а дядюшка все же прав, но... Сделать шаг в новую жизнь оказалось куда как труднее.

Я поправила платье. Для меня оно было просто шикарным. Я никогда в таких не ходила. С утра обнаружила в гостиной экономку, невысокую женщину с доброй улыбкой. Она предложила облачиться в пурпурно-шелково-кружевное чудо: оголенные ниже локтя руки, глубокое, но не вызывающее декольте. Женщина ловко помогла мне одеться, при этом то и дело поправляя собственные, подернутые сединой кудри, а после с восхищением заламывая полные руки. Сэр Ричард собственноручно застегнул на моей шее коралловое ожерелье и ненадолго застыл рядом, жарко дыша в затылок.

– Вы не просто обворожительны, вы прекрасны, леди Сторм, – и, судорожно выдохнув, отступил.

А я смотрела на себя в зеркало и думала о том, что вы-

гляжу куклой. Красивой, нарядной куклой для капризного ребенка.

– Экипаж прибыл, – торжественно возвестила экономка. Дядя торопливо и неуклюже коснулся моей щеки суховатыми губами.

– Не держите на меня зла, Найли, – шепнул. – Я и правда хочу как лучше для вас.

Я постаралась улыбнуться в ответ. Вышло раздраженно. И само выражение лица стало холодным и отрешенным, словно у мамы на картине.

И вот теперь минуты тикали, а я стояла у крыльца, замороженно глядя на дом советника. Сердце громко стучало. Стало трудно дышать. Я прикрыла веки, представляя, какими глазами буду смотреть на благородных господ. Щенячьими. Пытаясь всем понравиться. А они меня рассматривать будут, как лошадь на рынке, и решать, подойду ли их великосветскому отпрыску.

К нечистым всех! – Я резко отвернулась, горделиво вскинула голову с уложенными в ракушку волосами и пошла прочь. Прошла я немного, остановилась.

«Что же это выходит, из-за собственных амбиций сейчас откажусь от выгодного брака, а потом буду бегать от канцлера? Как обидно. А тот ведь не пожалеет... – Я прикусила губу. В негодовании топнула ногой в изящной туфельке по мощеной дороге. – Неправильно это. Я же не виновата была. А может, Мика в себя пришел и повинился?.. Ага, дождешь-

ся от засранца. Хотя, – горестно покачала я головой, – теперь уже точно ничего не узнаю». Со щемящим чувством я оглянулась на дом лордов Гэйли. Глубоко вдохнула, выдохнула и собралась вернуться. Закрыла глаза, собираясь с мыслями, а когда открыла, из ворот вышел высокий молодой человек. Чуть вытянутое лицо с задорными зелеными глазами. Облачен в хороший бежевый костюм. Походка легкая.

Он улыбнулся, увидев меня. И совсем не высокомерный, даже, наоборот, притягательно-открытый. Я улыбнулась в ответ и даже успела сделать первый шаг навстречу. Если это и есть сын лорда Гэйли, то он более чем хорош.

– Леди Найли? Мы уже потеряли вас...

Это все, что он успел сказать. Откуда-то из-за нависающего у стены плюща выскочил закутанный в плащ быстрый силуэт. В следующую минуту улица поплыла у меня перед глазами. Выскочивший сделал всего один пас рукой, и сын высокочтимого лорда начал заваливаться на бок, зеленые глаза его широко и удивленно распахнулись, улыбка сползла. А по бежевому материалу костюма начало расплываться багрово-красное пятно. Я ловила воздух ртом, не в силах выдать ни звука. А нападавший бросился ко мне. Мысленно я попрощалась с жизнью. Но, вместо того чтобы отправить меня следом за сыном советника, убийца остановился в шаге от меня. Я увидела, как из-под капюшона сверкнули желтые глаза. Вот теперь мир попросту замер, боясь даже дышать. Убийца смотрел на меня всего несколько секунд. А потом

весь передернулся, сунул в мою безвольную руку окровавленный нож и бросился в переулок. Ноги у меня ощутимо задрожали, еще чуть-чуть, и я рухну на колени. Голос прорезался, болью отдаваясь в задрожавших связках, пытаюсь выдавить из горла крик. Правда, вышел он приглушенным и едва слышным. И в этот момент из ворот выскочили двое в серой одинаковой униформе.

Один кинулся к моему несостоявшемуся жениху. А второй ткнул в меня рукой в белой перчатке и уверенно завопил:

– Вот она! Убийца!

Кто? Я убийца? И тут дошло.

Я стояла, слегка покачиваясь на ватных ногах, глаза остекленели от всего увиденного, а в руках окровавленный нож.

* * *

Я никогда так не бегала. Все вокруг моментально встало на свои места, едва я увидела ткнувшую в меня руку слуги и выруливающих следом на улицу трех стражников. Свист их заставил меня подхватить подол платья и рвануть что есть духу. Ватные ноги тут же приобрели привычную стойкость и понесли мое тело подальше от дома первого советника. Ножичек мой предусмотрительный интеллект посоветовал забрать с собой. Первой мыслью было бежать к дядюшке. Но ее я тут же отмела. Дом дяди Джиба будет первым местом, где

меня станут искать, и оправдываться мне нечем. Ножичек – вот он, в моих взмокших руках и с моими же отпечатками! А еще меня, красавицу, ох как трудно не запомнить в лицо! А видели меня по крайней мере пятеро!

Теперь город не казался мне уже таким радужным, прохожих слишком много, я сбивала их на бегу.

– Стоять! – остервенело кричали позади.

Люди шарахались от меня. Еще бы, бежала, колени сверкали, прическа вся разлетелась, глаза ошалелые и ножичек в руках. А бежала я больше по наитию. Оно у меня работало от страха, как компасная стрелка, указывающая путь к спасению, которое я видела только в одном направлении – из города.

И все-таки он меня нагнал. Один из стражей, запыхавшийся, кругломордый, с узкими злыми глазами, не предвещающими мне ничего хорошего. Я стремительно обернулась, скидывая с плеча его практически ухватившую меня ладонь.

«Защититься!» – молниеносно промелькнула мысль. И дар или проклятие (да и нечистые с ним, я готова называть как хотите), он отозвался. Перед глазами вспыхнули лиловые отсветы. Я открыто глянула стражу в лицо. По нему расплылась блаженная улыбка, глаза затянула пелена очарования. Я глубоко вдохнула в себя потянувшиеся от него тонкие нити жизненной силы. Страж рухнул на колени все с той же блуждающей улыбкой, не спуская с меня зачарованного

взгляда.

Второй преследователь остановился в нескольких шагах от меня, непонимающе глядя, как осел на колени напарник. Лицо того стремительно бледнело. За пару секунд второй стаж пришел в себя, схватил висевший на шее свисток и выдохнул переливчатую трель.

Но я уже неслась дальше.

Как оказалась за стенами города, не помнила. Позади уже не слышалось погони, и свист стих, а я бежала, цепляясь юбкой за кусты, спотыкаясь на камнях. Ветви деревьев били по лицу, сердце отстукивало барабанной дробью. Перед глазамиплыли лилово-багряные разводы.

Остановилась я у небольшой речушки. Едва сдерживая хрипящее дыхание, рухнула на колени и припала губами к воде. Жадно сделала несколько глотков. В висках стучал пульс. Кожа горела огнем от ссадин и порезов. Я опустила руки по локоть в спасительную прохладу и, наверное, вошла бы вся в реку, чтобы успокоить бьющую жаром в венах кровь, но... Мои злоключения еще не закончились. Кто-то на небесах явно еще не вдоволь поразвлекался со мной.

– А кто здесь у нас?

Я подскочила, вытерла рот ладонью и обернулась. В паре шагов от меня стояли двое парней. Один – высокий шатен с глумливой улыбкой на губах, второй – чуть ниже, но коренастее, блондин с голодным блеском в голубых глазах. Последний особенно не понравился.

«Еще бы, от меня сейчас такой энергетикой тянет!»

Я отступила в воду.

– Не подходите, – крик сорвался на визг.

Вот их только сейчас и не хватало.

Блондин нервным движением поправил рубашку, расстегнул верхнюю пуговицу и уверенно шагнул ко мне. Шатен ухватил его за руку.

«Правильно, умный мальчик. Не нужно меня сейчас трогать».

Блондин рыкнул, вырвался и сделал бросок ко мне. Глаза его при этом изменили цвет с голубого на почти белый. От него повеяло таким холодом, что у меня по коже мороз прошел. Но отступить было некуда. Тут, к моей совершенной «радости», и у второго крышу повело. Он громко сглотнул, глаза затуманились, губы растянулись в похабной ухмылке, и шатен тоже направился ко мне. Я глухо застонала. Небо запылало для меня багрянцем. Окрасились лиловым деревья и кусты. И я ничего с собой поделать не могла. Эх, закончу жизнь молодую на эшафоте! От обиды и злости аж скулы свело. Ну уж нет! Сначала поймайте меня и докажите виновность.

И тут до меня дошло: ножик-то до сих пор в руке. Пальцы крепко сжимали рукоять. Я поудобнее пристроила его в руке, что не ускользнуло от блондина.

– А она нервная, – оскалился он.

– Может, но ее? – засомневался шатен.

«Нет, я им восхищаюсь, против моего очарования еще способен мыслить. А вот у блондина голова уже совсем не варит. Губы облизывает, пульсирующую жилку на шее даже с расстояния видно».

– Ну-у, иди сюда, – прошептала я самым елейным голо-сом и крепче сжала ножичек. Хотя для чего он мне? И так смогу... От предвкушения даже во рту сладко стало. Я уже думать не могла, видела перед собой только блондина и оку-тывающую его лиловую ауру.

Задрожала от предвкушения приторно-сладкой энергии, так и сочащейся от блондина. Заломило в висках, жаром об-дало все тело. И я сама, ведомая сводящим с ума голодом, шагнула навстречу.

– Стоять! – рывкнуло так, что лиловые вспышки у меня тут же испуганно погасли, а сама я сделала внушительный прыжок назад в реку, подальше от блондина.

Мужчина в длинном плаще, черные волосы рассыпаны по плечам, лицо с тонкими аристократическими чертами, че-ресчур бледное. И на меня смотрел сощуренно и зло. «А я-то что! – так и захотелось закричать. – Я защищаюсь!»

Но он уже шагнул к блондину и рывком отшвырнул его в сторону. Тот всхлипнул, приложившись о ближайшее де-рево, шатен кинулся к другу. Блондин медленно поднялся, потирая набитую на затылке шишку, бросил на меня враж-дебный взгляд.

– С вами позже обсудим, какого черта вы делаете за пре-

делами института! – прошипел внезапный спаситель. У меня от его голоса ледяные мурашки по коже пошли. А у него глаза полыхнули черным. Он смотрел. Да как! На меня с такой ненавистью даже дядюшка Джиб, когда узнал, кто я, не смотрел. Силы разом пропали. Багрянец неба смылся, став обычным синим. Руки задрожали, ножичек выпал из безвольных пальцев в воду, издав тихий плеск. Незнакомец сделал быстрый шаг, схватил за подбородок, заставляя смотреть на себя. Всмотривался недолго. У него изменилось лицо, кожа стала будто прозрачная, а под ней проявились черные нити вен. Зрачки ожили, и в них начала ворочаться тьма. Я вся сжалась. Жар отступил. Меня без окунания в реку будто ледяной водой окатили.

– Суккуб! – выдохнул «спаситель» мне в лицо с яростью, схватил за руку и поволок под ошарашенными взглядами шатена и блондина. Им он скомандовал: – Быстро в институт, там разберемся!

Он волоком вытащил меня из-за деревьев, теперь я увидела высокие стены, окружающие огромное здание. Темные купола башен виднелись за высокой стеной. Не нужно быть образованной, чтобы понять – это и есть институт. И даже какой, я догадалась сразу. Вспомнился Зак. Стало стыдно. Сейчас меня проволокут по всему зданию и, возможно, мне придется встретиться с новым другом. Как ему объяснить такое странное отношение ко мне... мм-м... кого? Я бросила настороженный взгляд на мужчину. Собственно, а что он

себе позволяет? Я бы... я... Вот только сил вырваться и даже просто возмутиться у меня не было. У меня, к великому удивлению, вообще никаких сил не было, ноги еле переставляла, а саму трясло, как от озноба, аж зубы клацали.

К моему облегчению, едва мы вышли из-за деревьев, незнакомец остановился. Земля взорвалась у его ног, поднимая черную стену, на которую он молчаливым взглядом указал сначала двоим друзьям. Они беспрекословно вошли. Мне он не указывал, просто грубо втолкнул. А влетела я уже в кабинет, разбив при этом колени. Стало совсем обидно. Я подняла взгляд на стоящих у стены блондина и шатена. Смотрели они на меня с нескрываемым злорадством. Да что же такое? Чувство, словно меня внезапно сглазили. Чем я всем не угодила? Вы же сами начинаете, а я тут при чем? Позади раздалось шипение. Я оглянулась. Черная стена портала закрывалась. Незнакомец пересек кабинет, не глядя на парней, гаркнул:

– Вон! С вами позже разберемся! – Дверь тут же хлопнула, прощаясь с малолетними негодьями.

Мужчина скинул плащ на стол, находившийся посреди кабинета, откашлялся и только потом повернулся ко мне.

Я медленно поднялась, отряхнула платье, вскинула голову и даже постаралась пригладить растрепанную прическу. В кабинете, кроме стола, находились два кресла, шкаф с цветными склянками и огромная черная шкура на полу. Но все это расплывалось в слезах, от обиды накативших на

глаза. Я быстрым движением вытерла их, поджала губы. Не хватало еще всяким показывать... Ах да, я так и не выяснила – кому?

– Будем знакомы! – злобно рявкнул он, а я ненароком подумала, что совсем не обязательно кричать на и без того испуганную девушку. «Спаситель» направился к окну, взял с подоконника графин, плеснул из него воды в стакан. Подошел ко мне и сунул его в руки. – Лорд Кейн Риган – ректор института проклятых, – и на меня уставился, все так же зло и выжидательно.

– Найли, – просипела я, выпила воду залпом. – Найли Сторм.

И носом шмыгнула, очень говоряще. Стакан вернула.

– Спасибо.

Лорд Кейн взял его, поставил на стол, все это время не сводя с меня прищуренных глаз, в которых продолжала извиваться тьма.

– В институт поступать шли?

Я приподняла голову и посмотрела на мужчину с вызовом.

– Из города... пробегом...

У него округлились глаза, даже злость с лица пропала. В следующее мгновение он одним шагом приблизился, схватил меня и рывком швырнул в кресло. Я только ойкнуть успела.

– Шутить изволите? – прошипел таким голосом, что у ме-

ня и без того растрепанные волосы дыбом встали.

Я отчаянно замотала головой.

– Я к дяде приехала... – и смолкла. Потому что рассказывать дальше было страшно.

– И? – Ректор навис надо мной, прожигая взглядом черных глаз. А у меня от него отчего-то голова кружилась. Или это от страха? Я, видимо, затряслась. И все-таки несдержанно всхлипнула. Слезы потянулись по щекам от обиды и страха, от беспомощности.

Лорд отпрянул от меня, прошелся и плюхнулся в кресло за столом.

– Вы в курсе, что за это с вами будет?..

– За слезы? – не поняла я, размазывая их по лицу.

– За чужую энергию и силу, которую вы так неосмотрительно собирались позаимствовать у глупых мальчишек.

– Я не собиралась ничего заимствовать! Я защищалась...

Он холодно усмехнулся.

– Да, конечно... – и прислушался. В дверь тонко поскреблись. Лорд Кейн поднялся. В кабинет вошел пожилой низкорослый мужчина с тонкими морщинами на серьезном лице. Отвесил поклон, что при его полном теле вышло неуклюже. Пришедший покосился на меня.

– Дозор королевский у ворот.

Я вся сжалась. Ректор посмотрел на меня вопросительно. Я на него – умоляюще.

А толстяк шагнул в кабинет, тут же споткнулся о шкуру,

взмахнул руками и плюхнулся на колени посреди кабинета.

– Извиняюсь.

Я кинулась помочь, но ректор меня опередил. Наклонившись, он помог мужчине подняться. А я вернулась в кресло, села, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники.

– Очки! – начал шарить по лицу старик.

Я сидела как влитая. Лорд Кейн поднял очки, отлетевшие к столу, водрузил их на полное лицо старика.

– Еще раз извиняюсь, дозорные у ворот, – посмотрел на меня и развел руками. – Королевские.

Лорд Кейн кивнул, бледное лицо стало суровым.

– Я сам разберусь, магистр Бехард, – вежливо и крайне сдержанно проговорил, провожая пожилого лорда к двери. – А вы чтобы здесь сидели, – сверкнул он на меня глазами, и дверь хлопнула.

Я осталась. Шмыгнула носом, оглядывая кабинет, в который попала. Теперь, когда слез уже почти не было, смогла рассмотреть его. Одна стена прикрыта плотным ковром с изображением единорога, над ним трехцветный флаг королевства. У второй – стеллажи с книгами. Стол большой, на нем множество бумаг, чернильницы порядка трех штук, перо. И снова книги стопкой, на самом краю. Но меня заинтересовало не это, а шкаф за стеклянными полками, где стояли колбы. В них изворачивались тонкие дымки – сиреневые, лиловые, белые, черные... Много. Мне казалось, они живые. Едва перевела взгляд на дымки, те замерли. Готова поклясть-

ся: если бы у них имелись глаза, то взоры были бы устремлены на меня. Мне даже неуютно стало под этими невидимыми взглядами. Я хотела подняться и рассмотреть колбы ближе, но тут вернулся лорд Кейн с еще более хмурым выражением лица. Но, по крайней мере, не злой. Вытащил свое кресло из-за стола, поставил напротив меня, сел и положил руки на подлокотники.

– Рассказывайте, – приказал требовательно.

Я молчала, боясь смотреть на него.

– Ладно, – с показным спокойствием проговорил он, откинулся на спинку кресла. Взгляд стал жестким. – Вон из моего кабинета, вон из института, дозорные как раз еще не успели уйти.

У меня вытянулось лицо. Меня же казнят! Стоит вот только сейчас выйти, и все, закончилась жизнь молодая! И я рассказала, растирая слезы по лицу и всхлипывая. Все. Начиная с момента встречи с Микой у озера и заканчивая тем, как видела убийство сына советника.

Ректор не перебивал, иногда брови задумчиво сходились на переносице.

– А где ножичек? – поинтересовался, когда закончила.

– В реку уронила, когда вы на меня орали, – призналась.

– За дело орал. – Он постучал пальцами по подлокотникам. – Королевские дозорные – хорошие ищайки, и он уже у них вместе с вашими отпечатками. Кстати, сын лорда Крэйка в тяжелом состоянии, а Алэн Гэйли умер на руках ро-

дителей.

Я подняла на ректора испуганный взгляд. Ален Гэйли – сын лорда советника. Еще одного человека, который теперь будет желать моей смерти не меньше канцлера.

– Что мне делать? – первый раз за всю жизнь я спросила это не у себя самой.

Взгляд лорда Ригана смягчился. Он поднялся, прошелся по кабинету, заложив руки за спину. Остановился у стола, в задумчивости уставился на единорога на ковре.

– Вы останетесь здесь, – сказал, чуть помедлив. – По крайней мере пока ситуация не разъяснится.

Я посмотрела на него с благодарностью.

– Вы мне поможете?

– Не помогу, – резко развернулся он ко мне. На его лице и правда не было ни капли сострадания или дружественности. – Я вам не стану помогать, если узнаю, что вы и правда причастны напрямую или косвенно к убийству лорда Гэйли. Но я за справедливость. И постараюсь сделать для вас все от меня зависящее, чтобы спасти вас, если докажу обратное. И пока что я склонен верить во второе. Вам не нужен нож, чтобы кого-то убить. Случай с Микой Крэйком и нашими парнями тому подтверждение. – Ректор помолчал, потом раздраженно продолжил: – Вы обладаете редким проклятием. Если не научитесь им управлять, оно сыграет с вами злую шутку. Это сейчас энергия вспыхивает в вас в моменты сильных эмоций, но когда-нибудь вы не сможете сопротивляться,

и она полностью вас поглотит. Тогда вы станете опасны для общества. Вы станете тем, кем являетесь, и поверьте, это не лучшая форма жизни.

Я смотрела на ректора во все глаза.

– Я суккуб?

– Суккуб, не способный владеть своей силой. Редкое, очень неприятное проклятие. Кем были ваши родители? Ваша мать суккуб?

Слишком много вопросов, на которые у меня самой нет ответов. А лорд смотрел и ждал. Взгляд у него был какой-то обвинительный, будто я виновата в чем-то перед ним. Мои губы задрожали, я пыталась не разреветься в очередной раз.

– Я не знаю своих родителей, – выдавила чуть слышно. Он отвернулся, прошел к шкафу. Дымки за стеклом засуетились, начали крутиться в колбах. Ректор с интересом смотрел на них.

Я тихо кашлянула. Он резко обернулся. На секунду я поймала его туманный черный взгляд, увидела застывшую маску настоящей жуткой тьмы. Наверное, страх отразился в моих глазах, но лицо лорда тут же прояснилось, только ухмылка осталась тонкая, надменная.

– С сегодняшнего дня вы студентка нашего института под чужим именем и фамилией.

– Именем? – испугалась я. – Я привыкла к своему.

– Ладно, – быстро согласился он. – Имя мы вам оставим.

И вдруг порывисто шагнул ко мне, схватился за подлокот-

ники, навис надо мной.

– Если вдруг я узнаю, что вы посмели воспользоваться своим... – глаза недобро сощурились, и огонь тьмы снова полыхнул в них, – очарованием в стенах института и хоть кого-то... – Я так и представила себя, осыпающуюся прахом у ног ректора, и быстро замотала головой. – Вы будете учиться, – продолжил он гипнотизировать меня. – Учиться работать над собой, с собой и с вашим проклятием. Только в этом случае вы, возможно, сможете выжить.

Лорд Риган выпрямился. Прошел к столу, открыл верхний ящик, вытащил небольшой амулет. Вернулся ко мне. Низко склонился, руки коснулись моей шеи. Мне почудилось, что уверенные пальцы дрогнули, стали торопливыми, когда он застегивал тонкую цепочку. Та обвила мою шею, на секунду сдавила. У меня сбилось дыхание, но амулет уже прино ровился к моей ауре и отпустил. Я закашлялась, ловя ртом воздух.

– Это поможет вам хоть как-то контролировать себя, – отстранился ректор. – Но если вы сами захотите воспользоваться... – От него повеяло угрозой. – В подобном случае вам уже никто не поможет. А теперь идите, спуститесь на первый этаж в канцелярию. Я предупрежу, вам выпишут новые документы, дадут расписание и... – лорд Риган окинул меня уничижительным взглядом, – подберут одежду. Общежитие студентам предоставляется. Об этом вам также расскажут в канцелярии. До свидания, студентка Найли, – он

отвернулся, направляясь к столу.

– Пригласите ко мне этих двоих, они стоят в коридоре, – бросил через спину, когда я достигла двери.

Я мышью выскользнула из кабинета.

Шатен и блондин и правда стояли в коридоре.

– Вас приглашают, – пытаюсь сохранить последние капли достоинства, провозгласила я. Парочка наградила меня испепеляющими взглядами. Шатен хмыкнул, блондин сжал кулаки, скулы выделились на бледном лице.

– Еще встретимся, – прошипел, проходя мимо, и больно толкнул плечом. Дверь за ними захлопнулась.

От всего произошедшего голова кружилась, ноги едва держали измотанное тело. Я припала к стене и судорожно выдохнула. Вон оно как все повернулось. Теперь меня ищут и второй, и третий человек королевства отнюдь не с добрыми намерениями, а еще я совсем не собиралась учиться в институте, да еще заимев с первого дня врагов.

Переведя дыхание и шмыгнув от расстройства носом, я пошла искать канцелярию.

Блуждала я долго. Полутемные коридоры показались мне нескончаемым лабиринтом: множество ответвлений, кабинетов с номерами. Стенды с лицами студентов-отличников, студентов-отстающих и просто студентов. Названия факультетов с расписанием. Мне только сейчас пришло в голову, что я даже не знаю, на какой из факультетов определил меня ректор Риган. И студенты, снующие туда-сюда, стоящие

у стен с книгами, читающие расписание. Почти все они обращивались на меня, смотрели недоуменно. Да и было отчего: растрепанная, грязная, разве могла я походить на студентку института? У парочки, судя по виду, темных магов старших курсов (длинные черные мантии, амулеты на запястьях), я попыталась спросить, где находится канцелярия. Они даже не посмотрели на меня и поспешили отойти подалее.

Я откашлялась.

– Не подскажите... – настойчиво повторно задала вопрос. Один из магов махнул неопределенно рукой и демонстративно повернулся ко мне спиной. «Не слишком вежливо. Хотя, похоже, вежливость не является коньком здешних студентов», – в спину ему подумала я и направилась плутать дальше по извилистым коридорам института.

Не пытаясь больше к кому-то приставать с расспросами, я спустилась на первый этаж. Здесь стайками стояли первокурсники. Гомон на весь холл. Взрывы смеха и тут же шиканье рядом стоящих. Кто-то о чем-то громко спорил:

– Говорю, если применить заклятие Ошвергмана, то ты не убьешь, а только замедлишь нежить!

– Дурак ты, сначала замедлишь, а уж потом...

Я не стала вслушиваться, у меня от одного слова «нежить» мурашки по коже пошли. Поспешила обойти споривших.

– Найли! – окликнул знакомый голос. Я оглянулась. В толпе студентов мелькнули задорные конопушки и рыжая коп-

на волос.

Впервые за прошедший день я обрадовалась. Хотя тут же подумала, что мой вид далеко не самый лучший для дружеских встреч.

– Зак!

Он торопливо сунул тетрадь в карман жакета и полез обниматься. Мне стало неудобно. Грязная, взлохмаченная, с красным лицом и опухшим носом. Я, наверное, походила на бродяжку. Но Зака это ничуть не смущало. А мне от его объятий стало хорошо. Доверчиво уткнулась ему в плечо и шмыгнула носом. Парень прижал мою голову, трепетно погладил по волосам. Слез у меня не было, просто стояла и дрожала в его объятиях до тех пор, пока не смогла успокоиться и взять себя в руки. Все это время он прижимал меня к себе, и я кожей чувствовала доброту, исходящую от него, и осязаемое тепло, от которого становилось легче. Обиды, боль и страхи – все пропадало в жарких объятиях Зака. И сердце оттаивало.

– Я экзамены на отлично сдал! – сказал он как бы между прочим. – Сейчас списки вывесили. На факультет магов приняли.

«Темных», – подумалось мне. Других в институте проклятых быть не может. И сразу вспомнились те двое в коридоре. Нет, Зак никогда не станет таким... равнодушным и злым. Зак – он другой, светлый и радостный – солнечный лучик в темных коридорах проклятого института. Почти незнако-

мый, но уже успевший стать близким человеком.

– А ты тоже поступать?

Меня этот вопрос выбил из состояния умиротворения.

Я уткнулась лбом в грудь Зака и отрешенно выдохнула.

– Уже поступила.

Он напрягся.

– На какой факультет?

Я пожалала плечами. Тогда парень отступил, убрал прядь ниспадающих на мое лицо волос, попытался заглянуть в него.

– Ты не очень хорошо выглядишь.

– Неудачный день, – призналась я и подняла голову. Выглядела я, видимо, намного хуже, чем представляла себе. А что можно было ожидать после всех потрясений, выпавших на мою долю всего за один день?

Все это отражалось на моем лице.

– Расскажешь?

– До канцелярии проводишь? – в ответ попросила я.

Он кивнул, взял меня под локоть, и мы, обходя радостных от поступления и не очень радостных от направления на не желаемый факультет студентов, направились по коридору.

– М-да, плохо, – протянул он. Я шла, опустив голову. После пересказа мне и самой уже казалось, что хуже некуда. – Но знаешь, ректор Риган студентов в обиду не дает. Если сказал, что здесь тебе ничего не угрожает...

– Он не сказал, он предупредил... – вздохнула я, креп-

ко вцепившись в руку Зака, и почувствовала, как сжимает мою шею тонкая цепочка амулета. Мы спустились в полуподвальное помещение. Здесь было еще темнее, чем в коридорах, и холодно. Меня даже знобить начало. Мельтешащие магические огоньки под потолком едва освещали узкий коридор. И двери в нем были плотно прикрыты, черные. Без каких-либо вывесок.

– Он прав, тебе нужно остаться в академии, – уверенно толковывал Зак, грея мою ладонь в своей. – Я ведь еще в дороге увидел, что ты с проклятием. Уверен был, что ты придешь в институт. Не думал, что это вот так выйдет...

«Знал?» – Он увидел вопрос на моем лице, покраснел, закусил губу.

– Да... Это у меня побочный эффект... Вижу всех, кто с проклятием.

Я вздохнула, поежилась, но больше не от холода, а от охватившего меня страха. Чем дальше мы шли, тем тусклее становились огоньки и темнее коридор, а стены выше и промежутки между ними уже.

– Значит, друзья по несчастью? – У меня потихоньку начинали стучать зубы. Да где же эта канцелярия?

– По проклятию, – поправил Зак и остановился. – Пришли, – он указал рукой на единственную широкую дверь, имеющую вывеску с золотой надписью: «Канцелярия».

– Ты иди. – Зак погладил меня по озябшим плечам и отчего-то боязливо покосился на золотую вывеску. – Я здесь

подожду, – сказал извиняющимся тоном и постарался улыбнуться, только уголки губ дрогнули, и выглядел он теперь испуганно. После такой мимики трясти меня начало сильнее.

Я уныло посмотрела на отступившего в полутьму Зака и, открыв дверь, осторожно переступила порог.

Если бы сил у меня было побольше, я бы завизжала. Но я только приглушенно прошептала разом севшим голосом:

– Мамочки! – от неожиданности.

За высоким столом, захламленным кучей бумаг и папок, сидела худая высокая женщина в черном облегающем платье. Волосы собраны в строгую прическу, заканчивающуюся ракушкой на затылке. И все бы ничего, вот только она была... мертвой. Как есть! Бело-серое лицо с выступающими скулами. За круглыми очками пугающие черные глазницы. Вот этими глазницами она на меня и уставилась. Поправила костлявой рукой тугой воротник, скрывающий тощее горло, и хмыкнула, наблюдая за мной, ошарашенной ее видом.

– Новенькая? – голос шел, будто из-под земли, глухой и пугающий.

Я растерянно кивнула и припала спиной к стене, взирая на то, как она быстро, тощими пальцами, обтянутыми серой кожей, перебирает бумаги. А те были везде – на столе, на полу, на высоком, затянутом траурными занавесками окне и многочисленных полках.

– Факультет?

Спросила не глядя. А у меня сдавило горло, я не могла

слова сказать.

Она перестала листать бумаги. Посмотрела на меня холодно, чуть приспустила очки. У меня пол под ногами покачнулся, и стена начала уходить в сторону.

– Стоять!

Вскинула руку, от ее пальцев ко мне потянулась волна. Окутала, поддерживая. Слова заклятия, незнакомые мне, прозвучали в воздухе и расплылись вместе с волной. Спазм в горле спал, дыхание стало ровнее, да и самочувствие улучшилось.

– Вот так-то лучше, – кивнула удовлетворенно канцелярша. – Нежная нынче молодежь пошла, чуть что не так, в обмороки хлопаются. Так какой, ты сказала, факультет?

– Я не сказала.

Она снова уставилась в бумаги.

– Значит, говори...

– Меня лорд ректор направил. Я Найли Сторм...

– Угу, – кивнула леди, начав снова быстро перелистывать тонкие листы. Пальцы у нее шевелились очень быстро, просто с огромной скоростью. За пару секунд она перелистала пачку высотой большей, чем стол. Откинула в сторону, та разлетелась по комнате, а перед мертвой канцеляршей возникла новая пачка ничуть не меньше. – Я Гельннана Бретт, – не отрываясь от дела, вещала она. – Заведующая отделом канцелярии. По поводу замещения пар, предметов и учебников, а также дополнительных и стипендии – ко мне.

– У меня будет стипендия? – голос потонул в бесконечном шелесте бумаги.

Мертвая леди посмотрела на меня поверх очков черными провалами глаз, хмыкнула.

– Будешь хорошо учиться, будет и стипендия.

Выудила из кипы лист. Внимательно на него посмотрела.

– Ваши новые документы, – свернула его пополам. Тут же вытащила из-под пачки бумаги синюю корочку с серебряной окантовкой. Открыла и зачитала:

– Студентка Найли Риган...

– Как? – в удивлении переспросила я и подалась вперед. Не слышалось ли мне? Но, похоже, удивилась не только я, а хмыканье было привычкой леди Гельннаны.

– Ты, случаем, не родственница ректору Кейну? – Ну до чего же у нее взгляд жуткий, пронзающий и будто выворачивающий наизнанку всю душу!

Я быстро заморгала.

– Нет.

– И без тебя знаю, что нет. У ректора родственников нет. Дамочка глазницами в корочку уставилась, прокашлялась и продолжила зачитывать.

– Факультет боевых магов...

– Как? – испуганно вскинула я голову. У меня, видимо, тоже появилась вредная привычка повторять один и тот же вопрос.

Взгляд леди Бретт меня прямо просверлил. Я знаю, пере-

бивать некультурно. Но здесь явно было что-то не так.

– Какой из меня маг? – Я даже заикаться начала. – Да еще и боевой! Я в жизни никого... – и осеклась. Как же, а Мика и шатен с блондином?

Канцелярша выплыла из-за стола. И я увидела, что ног у нее нет. Вернее, я их не могла видеть, черное платье, плотно обтягивающее худую фигуру, тонуло в ворохе шуршавшей при ходьбе бумаги.

Леди Бретт обплыла вокруг меня, рассматривая с пяток до макушки. Остановилась напротив лица. Это было так странно и страшно – смотреть и не чувствовать дыхания жизни, а видеть черную пустоту глазниц. Я невольно поежилась. Леди Гельннана усмехнулась, растягивая тонкие мертвенно-серые губы.

– Суккуб! – вынесла она вердикт и направилась обратно к столу. – Все верно. Только боевых. А куда еще ваше проклятие направлять? В войне такие, как вы...

Она не договорила. Я снова перебила, выпалив на выдохе:

– В войне!

Канцелярша уселась за стол, подперла руками узкий подбородок.

– Это я так... – произнесла она мечтательно. – А вдруг. Вечного мира не бывает, – и закрыла книжку. – Но я вас поздравляю.

– С чем? – Я уже не ожидала ничего хорошего для себя.

Она очень легким для мертвой жестом поправила волосы.

Грациозным движением, так не вяжущимся с ее мертвым лицом, подала мне книжицу. Мне подумалось, что живая она была невероятно красива.

– Вы первый суккуб в этих стенах и, надеюсь, последний.

Я неуверенно подошла и дрожащими руками взяла зачетку из протянутой бледной ладони.

– Почему надеетесь?

Улыбка сползла с серого лица.

– Встречала таких, как ты... Хлопотные ребята. Глаз да глаз... – и хлопнула в ладоши. Я в очередной раз потеряла дар речи и ощутила уходящий из-под ног пол. Леди Бретт только головой покачала, отправляя ко мне поддерживающую энергетическую волну.

– Новенькая... – обернулась канцелярша к вывалившемуся из стены духу. А тот широко зевнул зверской пастью, утыканной сотней мелких острых зубов, почесал мохнатый рыжий затылок, зависая под потолком, уставился на меня черными глазами.

– Это твой дух-хранитель, Баз. – И уже обращаясь к нему: – Прошу принять и расписаться, студентка Найли Риган.

У духа брови взметнулись вверх, круглые уши нервно задергались, он даже назад к стене попятился.

– Родственница ректора Кейна?

Леди Гельннана рукой махнула, усаживаясь в свое рабочее кресло, и начала перебирать бумаги.

– Однофамильцы.

Дух облегченно выдохнул. Снова почесал затылок.

А мертвая леди продолжила:

– В комнату проводи. И да... – снова обратилась ко мне.

Взгляд пробежал по мне. – Одежда, учебники, перья, тетради – все уже в вашей комнате. Запоминайте: правое отделение, женское общежитие, комната номер двадцать пять, – и отвесила вежливый поклон, давая понять, что аудиенция закончена.

– Идем, – проворчал дух, махнул огромной лапой и вышел сквозь стену, волоча за собой толстый рыжий мохнатый хвост с черной кисточкой на конце. Я направилась следом.

Уже перед выходом услышала:

– Студентка Найли...

Я обернулась.

Леди Бретт смотрела на меня и ухмылялась, а в пустоте глазниц клубилась черная тьма.

– Добро пожаловать в институт проклятых!

Глава 4

Зак стоял, облокотившись о стену. Завидев духа-хранителя, побледнел.

– А я смотрю, к тебе надсмотрщика приставили.

Я смерила духа недовольным взглядом. Коренастый. Страшный. И как мне казалось, я ему не нравлюсь, иначе отчего он смотрел на меня и щерился. А хвост нервно ходил по полу туда-сюда, туда-сюда. Уши хоть и мелкие, к голове прижаты. Похож на пса, готовящегося к нападению. И только глаза спокойные, черные с... Мне тьма последнее время везде мерещилась. Это все из-за ректора, как окунулась во тьму его зрачков, так теперь чудится, что он со всех лиц на меня смотрит.

Зак подошел ко мне и, косясь на База, громким шепотом сообщил:

– Только особо... гм... опасным духов дают.

От удивления мои брови приподнялись вверх. И с чего это я особо опасна? А дух ухмыльнулся во всю пасть, подтверждая правдивость слов Зака. После чего призывно махнул лапой и поплыл по коридору.

Мы с Заком переглянулись и двинулись за ним.

Выйдя из здания, я смогла оценить все архитектурное великолепие института. Серые каменные стены, узорчатые решетки на широких окнах, три башни – по одной с право-

го и левого крыла и центральная с округлой аркой, из-под которой мы и вышли. Левое крыло будто немного отделено от остального строения, стены прикрыты буйно разросшимся плющом, черный купол венчал здание. Все это создавало мрачную картину. Из центральной башни выходила витиеватая тропа, вдоль нее вытянулись фонари и скамейки. Множество зеленых насаждений и роз. От последних по извилистой аллее плыл дивный аромат. В стороне от тропы находились парк и фонтан – не радужный, как в городе, а статуя дракона, изрыгающего серебряные струи. На зеленой лужайке у фонтана студенты. Кто-то сидел на скамейках, кто-то на зеленом газоне – читали, вели беседы. Все размеренно и чинно. Если бы не мое нерадостное положение, то институт ничем не выдавал бы свое скорбное название – проклятых.

– Справа крыло боевиков, по центру – маги, отдельно левое крыло демонологии и некромантии. – Зак поморщился. – С последними лучше вообще не связываться: если демонологи практически не выползают из своей берлоги, то некроманты везде нос суют.

Хранитель двигался вальяжно, свысока посматривая на сидевших на скамейках, и кивал мохнатой головой, вслушиваясь в речь Зака. Студенты, завидев нас в сообществе духа, торопливо вставали и уходили, сворачивали с аллеи, недружелюбно косились, тихо переговариваясь. Может, и к лучшему, что ко мне приставили База, все меньше любопытных взглядов. А духу, казалось, нравится, что его боятся. Он

строил страшные гримасы, нет-нет, да и порывкивал на не особо расторопно убегающих с нашего пути студентов.

– Почему боевой магии? – недоумевал Зак, пиная мелкие камешки.

Я пожала плечами.

– Леди Гельннана говорит, суккубу только туда дорога.

Зак нахмурился.

– Там и девчонок-то мало, – потер шею. – С первого курса только ты и... – приглушенно смолк.

– Кто? – мне очень не понравился тон.

– Увидишь, – вздохнул Зак, сунул руки в карманы.

Дальше мы шли, молча смотря под ноги, каждый в своих думах.

Так и добрались до общежития. Большое здание в три этажа, вход открывался под слегка светящейся серебром аркой. Зак остановился.

– Дальше ты сама. Это женское общежитие, – сказал, заливаясь румянцем, чем несказанно меня удивил. – Только по пропуску от ректора.

Я досадливо вздохнула. Расставаться с Заком не хотелось.

– Но мы увидимся в институте? – постаралась я приободриться.

Парень посмотрел на меня с каким-то внутренним напряжением, а следом порывисто обнял, потрепал по волосам и, осторожно прикоснувшись губами к моей макушке, шепнул сдавленно:

– Обязательно увидимся, Найли.

Он стоял у порога, пока мы не вошли в общежитие. А стоило закрыть дверь, как мне стало невообразимо тоскливо. Даже холод пробрал от мысли, что придется теперь обособиваться здесь, в чужом и нелюдимом институте, где каждый смотрит на меня, как на «особо опасную», а кое-кто и удушить готов. И только Зак... При мысли о нем теплело в душе. Что же, главное, я не одна. Усмехнулась от этой мысли, покосилась на своего духа-хранителя. Он, не обращая на меня особого внимания, ковырял когтем в зубах. Глянул на меня из-под густых бровей, шмыгнул носом и махнул косматой лапой.

Следуя за Базом, я поднялась на второй этаж. Жилички, а вернее, студентки провожали нас заинтересованными взглядами. Все были в длинных платьях строгого кроя, с тугими хвостами волос на макушке, чем невероятно походили друг на друга. Девушки смотрели на нас и разве что пальцами не тыкали. Некоторые даже из комнаты выглядывали и возбужденно шептались с соседками, косясь на духа. Но стоило тому обернуться и чуть рыкнуть, вскрикивали и прятались за дверьми. Зато когда мы остановились у комнаты номер двадцать пять, весь женский коллектив второго этажа вывалил в коридор, и даже с первого кое-кто поднялся, а с третьего, наоборот, спустились и теперь стояли в коридоре, от любопытства переминаясь с ноги на ногу. И глаза у всех такие были, что мне разом расхотелось заходить в эту

самую комнату. Я стояла в нерешительности, осторожничая и побаиваясь взяться за ручку.

Дух щерился, поблескивал на меня ядовито-черными глазами. Уж ему-то точно доставляло удовольствие смотреть на мою растерянность и видеть мой страх. Меня обуяла злость. Ох, и сколько я уже с этой моей эмоциональностью бед натворила, но меня все равно ничто не учит. Да и куда уж хуже! Я вскинула подбородок, свысока посмотрела на выжидающих студенток. Хотя от страха мурашки побежали по коже, и душу терзали нехорошие предчувствия, я с бесстрашным видом все же вошла в издевательски-вежливо раскрытую Базом дверь.

И тут же облегченно выдохнула. В комнате никого не было.

Все с тем же гордым видом прикрыла за собой дверь под вздохи любопытствующих. Нечего тарашиться. И чего это они пугали и глаза закатывали? Обычное жилье для студента – небольшое, прямоугольное. Пара кроватей, стол, две тумбы, один шкаф и дверь, вероятно, в ванную. Полстены занимало окно с серыми занавесками, выглядевшими уныло и безрадостно, в тон с блеклыми бежевыми стенами.

Баз проплыл к одной из тумбочек, распахнул, указывая на стопки книг на полке, там же тетради, парочка перьев и бутылочка с чернилами.

Вот и чудно! Ломать голову, где достать канцелярию, мне и правда не придется. Но ведь, кроме ручек и тетрадей, мне

нужно и...

– Ваши вещи! – рывкнули мне прямо в ухо настолько громко, что я подпрыгнула на месте от неожиданности.

Рядом стояло и смотрело нагло и довольно мое жуткое личное чудовище. Я от удивления чуть рот не раскрыла. Во время захлопнула, чтобы не показаться глупой. Баз умел разговаривать! За все время, пока мы шли, он не сказал ни слова.

– Расписание! – провозгласил, растянув рот в ухмылочке. Сунул мне в руку помятый листок и, не прощаясь, ушел в стену.

– Чтоб тебя к нечистым занесло! – кинула я злобное послание ему вслед.

Швырнула расписание на стол. Скинула пыльные туфли и забралась с ногами на кровать. Теперь можно было спокойно обдумать собственное положение. Выходило оно совсем безрадостным. Ножик, по словам ректора, уже однозначно у стражей, и отпечатки мои, выходит, тоже... А как же отпечатки убийцы? И вообще, зачем он мне его сунул? Наверное, это самый простой вопрос. Чтобы глаза дозорным отвести. Они превосходные ищейки, по следу пошли. Вот только ножичек-то в моих руках к тому времени был. И это я оттуда бежала, пятками сверкая, меня они в лицо видели на месте преступления с этим самым ножичком. Прав ректор Риган, у меня патологическое умение оказываться в ненужном месте в ненужное время. И брать из чужих рук ненужные пред-

меты.

Я отчаянно попыталась вспомнить убийцу.

Вот я стою, он несется на меня, я мысленно прощаюсь с жизнью. Рука, сующая мне нож... Она в перчатке? Или?.. Ничего не вспоминалось. От переживаний я не могла вспомнить ничего, кроме пугающих желтых глаз с тонкой чертой посередине. Как у змеи. И сам он как змея – юркий, быстрый. Я прикрыла веки, в висках стучали секунды. Никаких воспоминаний, способных хоть как-то разъяснить ситуацию.

Пустота.

Горечь.

Сколько времени мне придется провести в институте? Сможет ли ректор мне помочь? И станет ли?

Захотелось просто по-девчачьи расплакаться, так, чтобы навзрыд, чтобы вытирать распухший нос кулаком. Вполне возможно, что это поможет, ну хотя бы чуть-чуть.

Сейчас же... Мне и этого не позволили.

Сначала послышался вскрик любопытных студенток, отпрянувших от двери. А потом эта самая дверь была пинком открыта и хлопыстнула о стену, осыпая штукатурку. И в комнату ввалилась... Нет, пожалуйста, стоп! Мой бывший до сегодняшнего дня привычный мир, остановись, дай мне сойти с этой сумасшедшей планеты!

– Что это значит? – рявкнула вошедшая девица. Длинные ноги, обтянутые кожаными сапогами, черные брюки и заправленная в них черная рубаша, подчеркивающая глубоким

вырезом огромный бюст. Я еще никогда не видела девушек в штанах. К слову, я и бюстов таких не видела! Поначалу вообще он вошел, а уж потом его обладательница. Но удивило меня другое. Девушка была зеленой. Да, да... именно зеленой, такая изумрудно переливающаяся кожа лица, рук и всего, что можно было увидеть в глубокий вырез рубахи. Длинные рыжие волосы собраны в хвост, взор больших красных глаз устремлен на меня. Очень злой, в глубине кровавого зрачка так и сверкали молнии.

– Это моя койка! – зловеще прошипела девушка и уверенно шагнула ко мне. На лице полыхнула бешеная ярость. Я проворно вскочила. И вот, спасите меня нечистые, завизжала! Еще бы! Ее искаженное лицо передавало желание если не убить меня, то точно покалечить! А я девушка маленькая и хрупкая. Эта «гром-баба» меня одной рукой переломит. Судя по всему, именно это она и собиралась сделать. Я едва успела отпрыгнуть к стене.

– Вон отсюда! – рыча, словно раненый буйвол, одним взмахом руки снеся тумбу, не унималась девушка. И снова кинулась на меня. Я к окну. Путь к выходу она загоразивала своим телом. Я пыталась увернуться, но она ловко поймала меня за волосы и приложила лбом о подоконник. У меня помутилось в глазах. Я, делая усилие, вывернувшись, оставляя прядь волос в огромном кулачище, и заехала ей локтем в нос. Девушка охнула, на секунду выпустила меня. Но всего на секунду... Тут же издав вой, снова бросилась в атаку.

И что я должна была делать?

Защищаться!

Жаром окатило тело, пульсом ударило в виски. Я уперлась спиной в стекло окна и выдохнула, обдавая нападающую волной очарования. Тут же вдохнула обратно, втягивая в себя ее силу. Девушка застыла с яростным выражением. Всего секунды две непонимающе смотрела на меня, а потом растерянно улыбнулась. Угрожающий кулак замер в полуметре от моего перепуганного лица. Лиловые нити потянулись от девушки ко мне. Мои глаза полыхнули алым, а ее затянулись блаженной истомой. И тут меня обожгло. Амулет на шее начал затягиваться, стал невыносимо горячим, обжигающим кожу, у меня перекрылось дыхание, в глазах потемнело. Попыталась сорвать его, но он продолжал стягиваться вокруг моей шеи плотным кольцом. Я видела, как стряхивает с себя очарование девушка, и в зрачках остервенелые огни загораются.

– Так, значит! Магией?! Меня! – прорычала она.

«Так», – хотела сказать я, но не в состоянии дышать рухнула на пол. И уже отключаясь, увидела, как из стены выныривает мой дух-хранитель с на глазах вытягивающейся от удивленного мордой.

Что ж, вполне вовремя.

В комнате слышались приглушенные голоса. Открыла глаза. Я лежала на кровати. Жутко болела голова, в носу собралась кровь, и ее привкус стоял во рту. В затылок словно ножи воткнули. От боли скулы сводило. Я с трудом перевела заплывший взгляд в сторону говоривших.

Зеленая девица сидела за столом, закинув ногу на ногу, покачивая носком сапога. Придерживала платочек у лица. Напротив сидел Баз. Ковырлялся в круглом ухе, тоскливо поглядывая на стену.

– Разжалуют... – сетовал, уныло уставившись в темное окно.

– Не разжалуют! У них хранителей не хватает. А после того как моего с позором сняли, так и подавно никто идти в хранители не хочет, – хлопнула по столу ладонями девица и кивнула в мою сторону. – Посмотри-ка, наша никак в себя приходит!

Баз оживился, даже в глазах что-то сочувственное появилось. Надо же, я думала, совсем ему не нравлюсь. Хранитель подскочил ко мне и застучал хвостом по полу.

Поднялась и неспешно подошла к кровати девица. Присела, озадаченно всматриваясь в меня красными глазами.

– Хорошо приложила, – прищипнула языком. – Ты извини... Я думала, снова какая-нибудь неуспокоенная забре-

ла. Здесь бывает, – невозмутимо похлопала меня по плечу. Я ойкнула, хлопок отдался в голову, и там застучало. – Но и ты не промах. – Девушка убрала платок от лица, хмыкнула распухшим носом. Тот занимал пол-лица и был скривлен влево. Я не могла не улыбнуться. Представляю, как я выгляжу. Осторожно прикоснулась ко лбу, шишка – будь здоров.

– Меня, кстати, Тара Вьятт зовут, – представилась девушка.

Я, поморщившись от боли, села.

– Найли Сторм, – проговорила напряженно.

Дух пристроился у Вьятт за спиной и выглядывал из-за плеча. Невинные черные глазенки хлопали ресницами. На рыжей морде было написано: «А я чего? Я в бабские разборки ни-ни!»

– Значит, ты тоже на боевика? – продолжила хрипловатым голосом Тара.

Значит? Ага, вот о ком говорил Зак. Что ж, спасибо, друг. Мог и предупредить.

– Жить будем вместе. Нас, боевиков-девчонок с первого курса, ты да я. Если чего, ко мне беги, я им всем... – Она сжала крупную зеленую ладонь в кулак и погрозила в воздухе. Глаза сверкнули внутренней яростью. Нечистые! Да она ходячий комок нервов! Причем вполне такой внушительный комок. Тара шмыгнула носом и тут же поморщилась, приложила к нему платок. Покосилась на духа:

– Ты хоть бы лед принес!

Дух оскалил пасть, посмотрел на меня, всю «красивую»,

головой покачал и скользнул в стену.

– Наставнички! – пробасила вслед ему Тара, запрокинула голову, вытирая просачивающуюся из носа кровь. – Мне тут тоже одного приставляли... Так он сутки рядом висел... – Довольная улыбка расплылась по лицу. – А теперь ищи-свищи его...

Из стены вернулся Баз с полотенцем через плечо и чашкой со льдом в лапах. Протянул Вьятт. Смотрел он на нее при этом очень неприязненно, то ли услышал последнюю реплику, то ли знал того духа. Тара положила кусочек льда на переносицу и облегченно выдохнула. Мне, судя по всему, лед уже не поможет.

– Помыться бы. – Язык едва шевелился.

Вьятт кивнула и даже помогла мне встать с кровати.

Я уже входила в душевую, когда Тара крикнула:

– Ты не обижайся, всяко бывает... – Я оглянулась. Вид у нее и правда извиняющийся был. Я, боясь лишней раз кивнуть головой, рукой махнула.

Стоя у зеркала, понимала, отчего Тара решила вдруг извиниться. Знала, что я увижу в отражении. Честно, такой вид мало кому мог понравиться. Иссиня-фиолетовая шишка выпирала посреди лба. Переливаясь, уходила темным разводом на переносицу, делая мой нос ничуть не меньше, чем у новообретенной подруги, и опускалась под глаза удручающими синяками. Щеку раздуло так, что казалось, будто у меня лицо несимметричное и левая часть губы сползает вниз.

Вот тебе и встреча! Теперь понятны любопытно-сочувствующие взгляды соседок.

Приподняла голову и посмотрела на шею, туда, где находился злосчастный амулет. На этом месте виднелся ожог, широкий, покрывшийся пузырями.

Я вздохнула. Залезла в ванну. Повернула кран. Из душа прыснули струи теплой воды. Прикрыла глаза. Капли стекали по опухшему лицу, пощипывало ожог. Но все-таки мне становилось хоть немного, но легче, и шум в голове утихал.

После неторопливо вытерлась нежным махровым полотенцем и укуталась в теплый белоснежный халат. Медленно расчесала мокрые волосы.

– Ты еще долго? – заботливо поинтересовалась из-за двери Тара.

– Иду, – тихо ответила я и вышла.

Вьятт стояла у стола, разливая чай из маленького чайничка, рядом находилась вазочка с печеньем и бутербродами. База в комнате не было.

– Нормальной еды с ужина не осталось, но кое-чего я наскребла в столовой, пока ты мылась, – начала Тара, пока я рассматривала платья, висевшие в раскрытом шкафу. – Ты на занятия лучше в брюках ходи, – сказала она, заметив мою задумчивость.

Я покосилась на нее с вызовом. Еще чего! Может, для нее такой вид и норма, а у нас в поселке не принято было, чтобы девушки, как мужики, в брюках ходили.

Она усмехнулась, смотря на мой недовольный вид, и села у стола. Взяла кружку, громко хлюпнула чаем, морщась опухшим носом.

Платье я выбрала темно-зеленое с глухим воротом, скрывающая под ним ожог на шее.

Чай мы пили медленно, размеренно прихлебывая из фарфоровых кружек. Разговор не клеился. Тара изучающе поглядывала на меня красными глазами. Я на нее – с неммым любопытством.

– Да ладно, – не выдержала она первая. – Спрашивай. Я же вижу, на языке вертится... Только чур условие. Говорим о том один раз, – сузила глаза, пронизываясь взглядом. Я взяла в руки печенье, покрутила в руках и, откусив, спросила:

– Что у тебя за проклятие?

Тара отставила кружку, по-мужицки откинулась на спинку стула. Тот скрипнул под ее весом, а она закинула ногу на ногу.

– Дед мой семью троллей убил, всех подчистую. Вырезал вместе с детьми. – Глаза Тары при этом запылали огнем, а на лице выразилась глубокая ненависть. Мне вдруг подумалось: дай волю, она бы сама своего деда собственными руками удушила. – Дикие, говорит, были. А троллиха магичкой оказалась, ну и прокляла перед смертью. Навещала: «Аукнется тебе деяние!» Время прошло, дед про магичку забыл. Семейой обзавелся, дети пошли. Все как один –

ладные, хорошенькие. Разве ж, когда все хорошо, о плохом думается? О проклятии вспомнил, когда внуки народились. Все нормальные, и только я... Полуледи, полутроль. Младшая, у младшего сына. Соседи коситься начали. Вот меня с пеленок в приют и определили. – Она горько усмехнулась. – Навещать приходили раз в неделю, а как постарше стала, так и вообще пропали. Стыдно такую дочь иметь. Матушка-настоятельница мне перед уходом бумагу дала, а там отказная. Так и осталась без рода и племени. Ненавижу! – Кулак опустил на стол. Жалобно звякнули о блюдца кружки, расплескивая чай. – Вышла из приюта, а идти некуда. Хорошо, настоятельница рассказала мне об институте проклятых. Я тогда решила – закончу его, контролировать себя научусь и в наемники пойду. Им сейчас платят хорошо. Богатой стану и к родственничкам заявлюсь. Пусть увидят и... – Глаза девушки заблестели влагой. Но она быстро вытерла их ладонью, шмыгнула носом и громко выдохнула: – Вот так. А ты как сюда?

Чай остыл, пока Тара историю свою рассказывала. У меня, честно сказать, и аппетит пропал. Я смотрела на зеленокожую девушку и думала, что не такое уж у меня плохое детство было. Пусть тетка воспитывала, а родная. И дом имелся, и сестра, которая любила. Роднее ее никого у меня не было. Вдвоем росли, в одну школу ходили, уроки она мне делать помогала, кусок послаще подсовывала. Мне разом стало тоскливо. Как там Хилда?

– А ты? Какое у тебя проклятие? – переспросила Тара и потянулась за кружкой, посмотрела: густая жижа плескалась на дне. Девушка плеснула себе кипятка и громко захрустела печенькой.

Я вздохнула, прогоняя невеселые мысли.

– Родителей не видела. Тетка воспитала. А проклятие... Я не знаю, как и от кого мне досталось. – Помолчала, изучающе смотря на стол. – Я суккуб.

Тара даже пить перестала, удивленно посмотрела на меня и присвистнула.

– Надо же! А я думала, что суккубы – это мифология... Ну там демоны преисподней... А тут...

Демоны? Вот уж спасибо за сравнение. Хотя... А что я знаю о суккубах? Ничего.

– Не знаю, – пробормотала невнятно. – Я вообще о том, кто я, только сегодня узнала. Может, и демоны, иначе не стало бы это проклятием.

Тара одним глотком допила чай, поднялась.

– Все нормально будет! Ты, главное, верь в хорошее, – странно это было слышать от нервной воинствующей леди-тролля. А она подошла и похлопала меня по спине, отчего у меня снова в голове застучало. Девушка поморщилась, осторожно потерла подбитый нос. – Хрупкая такая. И как на боевого будешь учиться?.. А магистр Дейн Треш еще тот зверь, – она зевнула и направилась к кровати.

А я еще посидела, чай допила, печеньку через силу съе-

ла. Тоскливо... И до сердечной боли хотелось домой, к Хилде! Чтобы она, как в детстве, по волосам гладила и шептала успокоительно:

– Тсс, малыш мой, спи-поспи, крепко глазоньки сомкни. Беды все уйдут с утра, с тобой старшая сестра...

Как же мне не хватает тебя, Хилда!

В койке я ворочалась, сон не шел. Зато Тара дрыхла без задних ног, и храп такой стоял, будто мужик рядом. Я не выдержала, встала, подошла, осторожно повернула ее на бок, девушка посопела и смолкла. Я прошла к окну, распахнула занавеску. Луна раскинула мертвенно-бледный свет по аллее, освещаемой желтыми фонарями. Покачивались темные тени деревьев на стенах института. Ночь делала их из серых черными. Слепые окна смотрели на фонтан внизу. Хотя в одном окне все же горел свет. И я догадывалась, чье это окно. Несколько минут я стояла, замороженно глядя на тусклый, мерцающий огонек за стеклом. И мне даже почудилась тень ректора Кейна, ходящего по кабинету.

– Не спится, студентка?

Жуткий, словно из преисподней, тянущий слова голос. У меня сердце к горлу подскочило. Я успела зажать рот руками и не завопить.

– Кто здесь?

– Ясно кто – хранитель. – Баз выполз из-под кровати. Усмехнулся во всю зверскую морду.

– Привыкай, мне с тобой долго в паре быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.